

Однозначность

Знакомство с событиями 1936-38 гг., затрудняет восприятие споров среди большевиков как нечто легкомысленное, смешное. Но нельзя сбрасывать счетов возможность, что именно так воспринимались внутривнутрипартийные споры в ранние годы.ⁱ Стенограммы партийных собраний, пленумов и конференций часто включают заметку «смех в зале».ⁱⁱ Смех часто был результатом готовности спорящих сторон отвечать, подтрунивать, подкалывать соперников, высмеивать их, бить соперников их же оружием. Среди жгучих споров и междоусобиц 1920-х просматривается свободное, легкомысленное отношение к языку, какая-то раскрепощенность в отношении к языку. «Товарищи -- говорил Рязанов на 10- партсъезде -- но если парт партийном съезде нельзя будет отвести душу шуткой, то остается единственно – утопиться».ⁱⁱⁱ «Товарищи—соглашался Ленин на 11-м партсъезде -- шутка, конечно, хорошая вещь. Без шуток, конечно, нельзя говорить на большом собрании, потому что люди устали; надо по-человечески понимать».^{iv}

Но тут самое время вспомнить, что большинство цитируемых большевиков, если они не умерли своевременно, погибли от руки своих оппонентов. Остроты и насмешки, смешившие спорщиков в 20-е годы, звучали злоеце в следующем десятилетии. Раз кто-то был настолько испуган оппозиционерами, чтобы истребить их физически, может, есть необходимость рассмотреть нападки на оппозиционеров более серьезно?^v Историю большевизма можно прочитать как историю юмора.^{vi} Читать протоколов наблюдает, как намерения реализуются, а угрозы воспринимаются вполне буквально.

Что можно сказать об отношении большевиков к собственному языку? Не очень уж много они говорили по этому поводу: у партийных руководителей не было, не времени ни склонности посвятить себя такому труду. К тому же, по их мнению, их язык был языком истины, и науки – что тут еще нужно добавить? Если мы хотим разобраться в подходе большевиков и отношению слова и дела надо обратиться к заметкам, которые они делали мимоходом, не раздумывая – нам надо гладить их слова против шерсти.

Невозможно понять партийные споры без рассмотрения отношения большевиков и риторике. В 20-е годы, риторическое блистание не было предметом критики. Большевики признавали, что они любят говорить, выработали целый революционный лексикон, с его особыми уподоблениями, покаяваниями, своей комической традицией.^{vii}

Нужно ли было понимать угрозы – угрозы быть исключёнными из партии, быть расстрелянными – понимать буквально? Коллонтай не нравилось, что Рязанов «обозвал» «Рабочую оппозицию» «пугачевщиной», но она поместила ситуацию в плоскость юмора. «Хочется сказать Рязанову: не помнит ли он, что в то время был также особый тип людей, которые назывались скоморохами?» Но Рязанов-же говорил метафорически: «я назвал «рабочую оппозицию» самой нелепой, самой непринципиальной формой оппозиции в коммунистической рабочей партии. ... Я товарищи, умею ругаться. ... И, если товарищам недостает остроумия, чтобы ответить на шутку шуткой, если они хотят ругаться, я им напомню старую былинку. Есть в этой былинке княжна, которая говорит: «Кабы не мой девичий стыд, что словечка иного сказать не велит, я бы тебя, прощельгу нахала, и не так бы еще изругала». Мораль заключалась в том, что «надо различать между руганью,

направленной против наших классовых противников, и той полемикой, которая
позволяется на партийном съезде».^{viii} В общем, Ленин соглашался: «Сплошь и рядом
все анекдоты, которые здесь рассказываются, особенно ходовые в речах
парламентской оппозиции, они через несколько дней фигурируют в меньшевистских
журналах», жаловался Ленин на десятой всероссийской конференции РКП (май
1921) . . . (Смех). . . Но нужно же знать грань, нужно отличать серьезную борьбу от
простого рассказываемого анекдота. Может быть, конечно, когда народ устал, что
тот или иной талантливый оратор, рассказав анекдот, дает людям некоторый отдых.
С этой точки зрения я, по личному наблюдению, возражать не могу».^{ix}

На XI партсъезде, Соломон Лозовский (расстрелян в августе 1952-го) хотел
обсудить еще ряд «крайне существенных» вопросов, но знал что «время истекает и
председатель стоит с секирой над моей головой». «Не с секирой, а со звонком»
поправил его председатель. (Смех.)^x

В то же время, нехорошо, когда отношение к языку было чересчур легковесное.
Разве голос большевизма не был голосом правды? Разве не их честность и
прямолинейность привела к Октябрю? Умелое ораторство выглядело
подозрительным. На партийных съездах начала 20-х, оратор за оратором отвергали
«полемический прием» и просили говорить «совершенно прямо».^{xi} Делегат XII
съезда, Иванов, требовал, чтобы выступающие «были правдивы по существу»,^{xii} а
делегат 10-го съезда, Цхакая был не рад, что оппозиция «свое красноречие . . .
жертвует на то, что разъединяет нас».^{xiii} К делегату IX партийного съезда были
претензии, что «наговорил много крупных слов»;^{xiv} но были вещи которые
«никакими словами замазать нельзя!»^{xv} Ленин, вообще, надеялся, что «из-за слов
спорить не станем».^{xvi} Семантика должна была стоять над прагматикой: язык

-

обеспечивал истину, а не коммуникацию.^{xvii} Выразительность, легкое обращение словом, было приемлемы, только если слова прямо выражали волю рабочего класса.^{xviii} Оппозиционеров обвиняли в риторических переборах. Каменев отбрасывал «крупные слова» бездумно брошенные критиками ЦК.^{xix} Ленин выразил на X партийном съезде надежду, что «мы из-за слов спорить (с оппозицией) не станем», а будем разбирать, «по сути дела».^{xx} Бухарин уверял в 1925 году: «особенно плох фетишизм, оперирование словами, которые не имеют содержания».^{xxi} «Ходульно-словестные выкрутасы в писаниях-речах т. Троцкого», его «литературно-словестное парихмахерство» раздражали Залуцкого. «Словесная буффонада троцкизма может быть полезна в одном отношении», писал он в 1925 году – «как образец ораторской риторики и стилистики. Но как политическое мировоззрение, как школа и метод, она сойдет с исторической арены».^{xxii} Не соглашаясь с ЦК по существу вопросов, оппозиционеры разделяли его отношение к языку. Коллонтай, из рабочей оппозиции, отрицала «полемический прием». «У нас все время слова расходятся с делом», негодовал демократический централист Осинский.^{xxiii}

Обмениваясь риторическими громами и молниями, большевики время от времени брали шаг назад, смягчали свои аргументы, уверяли, что они не подразумевали сказанное на полном серьезе, что их подстрекательских деклараций нужно понимать в полемическом контексте. Живя в переходные время, (НЭП), далеки от должного самосознания, они анализировали свои речи как бы из далека, толковали себя другим и самим себе, просили у слушавших их призадуматься, прежде чем решать, какие намерения прячутся за словами.

-

Александр Гаврилович Шляпников (руководитель ВЦСПС, будет расстрелян в ноябре 1937) напомнил Ленину и его сторонникам, что риторический перебор имел место в речах сторонников ЦК. Он напомнил им, что на закрытом заседании ответственных работников в 1919 году, Томский грозился, старался «опорочить» оппозицию. В понятиях Шляпникова, он прибегал к «пулеметному языку». «Мы с рабочими (так) разговаривать не можем».^{xxiv}

По всей видимости, пулеметы были распространённой метафорой партийного взыскания в первые годы советской власти, и они могли быть использованы против нарушителей партийного единства. Делегат от «рабочей оппозиции», Алексей Семёнович Киселев, (председатель профсоюза горнорабочих, будет расстрелян в октябре 1937 года) заметил на X партсъезде, что резолюция «О единстве», говорит он том, что члены и кандидаты ЦК, могут исключать нарушителей. Так как Киселев был избран кандидатом, он нашёл себя в «чрезвычайно затруднительном положении», где ему могло бы прийти репрессировать своих друзей и единомышленников.^{xxv} «Владимир Ильич образно выразился, что надо «пулеметы поставить» -- говорил он. И вот я буду одним из 30 или 45 сидеть за пулеметом, и придется, вероятно, стрелять. И мне приходится стрелять из этого пулемета ... тех, которые или примкнули к «Рабочей оппозиции» или являются представителями других групп, которые оппозиционно настроены». Шум, голоса с мест: «Толстовец!» Драма быстро превращалась в мелодраму. «Необходимо, чтобы каждая организация партии строжайше следила за недопущением никаких фракционных выступлений», продолжал Киселев. ... Но теперь спрашивается: в какое положение будут поставлены избранные вами лица—«пулеметчики»? Как они будут относиться к тому, что платформы все-таки будут? ... И во всякие платформы, которые позволят

себе иначе высказаться, я, очевидно, принужден буду стрелять. Я, товарищи, не могу согласиться на такую роль «пулеметчика», поставленного в такие условия ...

(Шум.)^{xxvi} Ленин немедленно взял свои слова назад. «Товарищи, я очень сожалею, что я употребил слово «пулемет», и даю торжественное обещание впредь и образно таких слов не употреблять, ибо они зря людей пугают, и после этого нельзя понять, чего они хотят. (Аплодисменты.) Никто ни из какого пулемета, ни в кого стрелять не собирается, и мы абсолютно уверены, что ни т. Киселеву, ни кому другому стрелять не придется».^{xxvii}

Но вскоре реалии НЭПа заставили Ленина вытащить пулеметы из нафталина. На своем политическом докладе на 11-м съезде Ленин задел вопрос временного отступления перед буржуазией. «Отступление, в общем и целом, прошло в достаточном порядке, хотя голоса панические, к числу которых принадлежала „рабочая оппозиция» (и в этом был ее величайший вред!), и вызвали у нас частичные отрезывания, отпадения от дисциплины, от правильного отступления. Самая опасная штука при отступлении—это паника. ... Тут опасность громадная. Когда происходит такое отступление с настоящей армией, ставят пулеметы, и тогда, когда правильное отступление переходит в беспорядочное, командуют: „Стреляй!"^{xxviii}

Шляпников отвечал на следующий день: «Владимир Ильич сказал, что мы распространяем панику и что с паникерами нужно бороться пулеметным огнем. Я уже второй раз слышу это и чувствую направленный против меня пулеметный огонь. Сейчас оба пулеметчика сидят рядом, вот они эти два пулеметчика». (Смех.) Давайте будем «относиться серьезнее к своим словам», предлагал Шляпников. Эти картинки с пулеметами будят у нас некоторые воспоминания из истории других революций. Правда, пулеметов тогда еще не было, но схваточки (не коммунистов, их тогда тоже

не было), а схваточки авангарда революции были. И всем известно, к чему тогда это приводило. Я думаю, что лучше, если мы пулеметами друг с другом говорить не будем».^{xxix} Ленин оставил последнее слово за собой: «Тов. Шляпников, во-первых, прикинулся непонимающим того, по поводу чего я говорил о пулеметах и паникерах; шутил, что меня, мол, так много раз судили. ... То, что он говорит, это—пустяки! Никого вы этим не запугаете и никакого сострадания к себе не возбудите!

(Аплодисменты. Смех.) Бедный Шляпников! Ленин собрался на него пулеметы выставлять». Когда Ленин угрожал рабочей оппозиции, его угрозы должны были пониматься «в переносном смысле». На самом деле, «речь идет о партийных мерах воздействия, а вовсе не о каких-то пулеметах».^{xxx} Отношение к угрозам в ходе дискуссионных баталий становилось серьезней, но, все-таки, стоит заметить, что Ленин подчеркивал опять, что он говорит «образно», а страхи Шляпникова, что его будут судить его же товарищи, вызвала смех в зале.^{xxxi}

Ось интерпретации была расслаблена, серьезность угроз определялась после определения их референта. От оппозиционера самого зависело, поставил ли он себя вместе с участниками большевистский словестных игр, или в лагерь тех, угрозы в отношении которых нужно толковать буквально (враги).

Стычка между Лениным и Шляпниковым была только одним из эпизодов дуэлей на съездах начала 20-х. Никто не был чистым победителем или проигравшим и, судя по количеству обозначений смеха в зале в стенограммах, одно из назначений этих словестных перестрелок было рассмешить аудиторию. Легкость, с которой делегаты менялись ролями, показывает, что оппозиция еще не была врагом. В атмосфере карнавала этого времени, обвиняющий и обвиняемый, сторонник ЦК и

-

оппозиционер, менялись ролями, обращаясь к делегатам за помощью, а те их поддерживали легким смехом.

В мире большевиков, были угрозы и настоящие угрозы. Участники партийный дебатов понимали оттенки смыслов определенных слов и их политическое значение, и виртуозно, великолепно использовали двусмысленности. Пока большевики считали, что революция еще не закончена, а население все еще растет, язык не должен был терять свою гибкость. Какое-то расстояние между словами и означающими сохранялось: смысл определялся через толкование, и разброс возможных интерпретаций был существенным. Полисемия, метафорический язык, высказывания большевиков не позволяли слишком серьезный интерпретаций, как бы утверждая, что полная реализация языкового потенциала пока не возможна. До поры до времени, сильные словечки, риторические пируэты, преувеличения для усиления воздействия слов не несли особых последствий.

Эсхатологические исходные большевизма, однако, делали статус риторики не стабильным. С реализацией большевистского проекта, ирония и аллюзия потеряют свои права, а значение, каждого высказывания, будет сведено к одному.

В сфере прагматики языка, политика шла дальше политических разногласий. Как не странно, когда соревнующиеся большевистские группировки разделяли тот же лексикон, обмен ударами был особенно жесток. В таких случаях, вопрос был не в форме (принципы партийной демократии уважались всеми) или содержании (расхождения в толкование политических понятий не были радикальными); бой шел за право олицетворять революционный язык.

В своем выступлении на X партийном съезде, Миха Григорьевич Цхакая, член Исполкома Коминтерна, старался уяснить себе происхождение и логику наименования различных оппозиционных групп, раскрывая по ходу дела обычно остающееся не проговоренными характеристиками большевистского политического языка:

А что же выходит у товарищей из «Рабочей оппозиции»? По существу, рабочие всегда оппозиционны, сознательно или бессознательно, но не по отношению к своему классу, а к чужому, не к своей партии, а вражьей партии. ... Представители «Рабочей оппозиции» говорят странности. Они чуть ли не хором повторяют, что у них берут, заимствуют их мысли. Да они этому должны радоваться и перестать так спорить, а не фиксировать на основе какой-то своей второстепенной мыслишки новое название и отрываться от партии или мутить ее.

Наименование левацкой фракции Сапронова и Осинского, «демократический централизм», было не менее странным:

Или товарищи из «Демократического централизма», — что хотят они сказать этим названием? Разве, по меньшей мере 25 лет, мы не боролись за демократический централизм?! Если так играть словами, то назовем еще одно течение — «течение экспроприации экспроприаторов», ибо РКП и Советская власть не совсем успели осуществить ее.

«Вообще такие названия должны быть чужды, дики рабочей партии большевиков», заключил Цхакая.^{xxxii}

У кого было право на обладание определенными словами? Медведев требовал убрать кавычки с «рабочей оппозиции». Рабочая оппозиция ратует за то, что написано в партийной программе, не более, – говорил он в 1921 году.^{xxxiii} «Мы не боимся сказать, что многое, что предлагает т. Бухарин, он списал с наших тезисов», заявил Медведев.^{xxxiv} «Вот вы дошли до жизни какой, позаимствовали у нас», говорил оппозиционер, Рафаил, о ЦК. «Иногда правильную мысль можно довести до абсурда» -- отвечал Бухарин. «Что же, между нами почти нет разногласий, потому что вы все взяли у «Рабочей оппозиции» -- иронизировал он. «Вы говорите, что очистить партию нужно, —и мы говорим, что очистить партию нужно; вы говорите, что нужно систематически поднимать рабочих, —и мы говорим об этом; вы говорите, что нужно стаж ввести, —и мы говорим. Вы говорите, что нужно передвигать рабочих, —и мы. Никакой разницы между нами нет». Но я напому известное место из «Фауста» Гете, где Маргарита говорит Фаусту: «Ты говоришь то же, что говорит и пастор, только несколько другими словами», хотя в действительности они говорят разные вещи. Мне Медведев напомнил эту Гретхен (женские образы сегодня в моде), и Медведев не упомянул только одного обстоятельства, что можно об одном и том же говорить разными словами, подобно Фаусту, который не совсем так рассуждает, как пастор».^{xxxv}

Опасение, что оппозиция является троянским конем, намеревающимся захватить партию изнутри – важная тема сталинских чисток—вызвала нервные смешки у делегатов X партийного съезда. «Рабочая оппозиция» не должна идти, на уступки – заявила. Это не значит звать к расколу ...» «Нет, ее задача иная. Даже в

случае поражения на съезде – оставаться внутри партии и шаг за шагом твердо отстаивать свою точку зрения, спасая партию и выправляя ее линию».

«Даже в случае поражения на съезде» -- желчно шутил Ленин – скажите, пожалуйста, как предусмотрительно. (Смех).

Коллонтай предлагала инверсию: рабочая оппозиция вместо ЦК. По ее определению, «рабочая оппозиция -- это классово спаянная, классово сознательная и классово выдержанная часть нашего промышленного пролетариата». Ленин нашел такую инверсию кощунственной – «И пусть они себя называют себя как угодно --- это все равно – если только они ... не отстаивают группы и фракции во чтобы то не стало Если же они будут продолжать играть в оппозицию, тогда партии должна их из партии исключить». «Придется сделать тот вывод, что для оппозиции теперь конец, крышка, теперь довольно нам оппозиций!»^{xxxvi}

Ленин опасался, что защищая те же политические ценности, оппозиция, могла вытащить из рук партии революционное знамя – делом эмансипации пролетариата могла заниматься только одна партия. Ничего не было страшнее, чем набор конкурирующих мессий, каждый, из которых претендует на обладание истиной и обвиняет всех других в лже-пророчестве? Цхакая нашел такую ситуацию чудовищной: «и мы надеемся, что все эти «чудища» после X партийного съезда отметутся, отомрут».^{xxxvii}

Чудище имеет удивительную характеристику – оно часто смешно. На первый взгляд, что было смешного в Кронштадтском мятеже, вызове прежде столь надежного оплота большевизма, заставившего делегатов X партийного съезда лично участвовать в его подавлении?^{xxxviii} На самом деле, может показаться удивительным,

даже ошеломительным, что следующий обмен реплик между теми кто все-таки остался в Москве вызвал смех.

Коллонтай: Для этого мы вводим пункт о свободе дискуссий: надо признать за партийными течениями право устраивать дискуссии и дать возможность представителям различных течений защищать свои взгляды ... Не забудьте, товарищи, что «Рабочая оппозиция» связана с широкими рабочими массами.

-- «И с Кронштадтом».

-- Товарищи, вы знаете о том, что не было никогда случая, когда бы «Рабочая оппозиция» отказывалась от работы и не шла бы туда, куда ее посылают. На Кронштадт кто первый откликнулся, кто первый поехал туда, как не представители «Рабочей оппозиции»? Это как раз [не] красный генеральный штаб туда поехал, туда поехали представители «Рабочей оппозиции». Вот кто первый поехал. (Смех.)^{xxxix}

Откуда здесь смех? Неискушенному уху, тут слышаться бесконечные повторы, нечего не значащий обмен пустыми словами. На самом деле, происходя из той же идеологической среды, дискутировавшие не могли отличаться языком. ЦК говорило от имени пролетариата, но также и оппозиция; Ленин считал своих сторонников сознательными коммунистами, но также и Коллонтай. Однако, столь упорное повторение общих мест забавляло, и смех упоминается в стенограмме наверно потому что язык сторон звучал как мантра и дублировался до отупения. Относясь к сторонникам Ленина как оторвавшимся от гущи рабочего класса, Коллонтай, по умолчанию, конечно, превращала их в предателей. Расплачиваясь с ней ее же монетой, ЦК связывал Коллонтай и рабочую оппозицию с Кронштадтской контрреволюцией. Услышав стороны говорящие друг другу, «я настоящий большевик», нет «я настоящий большевик», делегаты смеялись.

Но смеялись они нервно. Что-то жуткое, ужасающее, выпирает из строчек этой стенограммы. Эхо эха могло вызывать смех, но у него были серьезные последствия. До какого времени, обе стороны могли ужиться, худо-бедно, в одной партии? Если одна сторона говорила правду, другая должна была симулировать, говорить то же самое, с точностью до наоборот. Дискуссия предполагала диалог, риторику, дискурсивное маневрирование. Но на счет того, кто олицетворяет Революцию, переговоров и компромисса быть не могло. Отказывая «рабочей оппозиции» в праве претендовать на голос рабочих, Ленин считал, что само название этой группы «полюемическое».^{x1} На следующем съезде, Ленин пошел еще дальше, и заявил, в отношении «рабочей оппозиции», что «думаю, что они неправильно это название носили».^{x1i} Столь дезориентированы, рабочие могли не сообразить, кто истинно говорит от их имени, и поэтому «рабочая оппозиция», как наименование и как за ним стоящая сущность, раздосадовали руководство ЦК.^{x1ii} «Вы на партийный съезд пришли с брошюрой, на которой написано: «Рабочая оппозиция» -- увещевал Ленин Коллонтай. Вы сдавали последнюю корректуру, когда знали о кронштадтских событиях и поднимавшейся волне мелкобуржуазной контрреволюции. И в этот момент вы приходите с названием «Рабочей оппозиции»! Вы не понимаете, какую ответственность вы на себя берете и как нарушаете единство!»^{x1iii} «Я думаю, -- суммировал Зиновьев на XII партийном съезде -- что так называемой «рабочей» оппозиции можно уже подвести итог. И для того, чтобы этот итог был окончательный, следовало бы ликвидировать и самое название – по крайней мере, в нашем партийном обиходе. Это не была рабочая оппозиция. Это, объективно говоря, была антирабочая оппозиция, это была ликвидаторская оппозиция, которая шла в

одну дверь, а попала в другую». ^{xliv} О Рабочей Правде Троцкий сказал на том же съезде, что ее надо было бы назвать «Рабочая кривда». ^{xlv}

На XIV партийной съезде смеялись много. Юмор на этом съезде (декабрь 1925 года) интересен в первую очередь тем, что оппозиционеров было также много как и шуток, – вся Ленинградская делегация, – и поэтому смех шел с разных сторон, присутствовавших на съезде. «Товарищи, дайте же мне говорить, ведь это безобразия!» обратилась Ленинградская оппозиционерка к съезду.

«Председательствующий ее поправил: «Тов. Николаева, возгласы несутся со стороны делегатов съезда, как большинства, так и меньшинства в одинаковой степени, и потому третировать съезд, тов. Николаева, нельзя». ^{xlvi} Председатель, пытавшийся дать слово обеим сторонам, хотел сказать, что проблема была в сложившейся обстановке внутри партии. Шум и смех во время выступлений был результатом раскола в партии. Встреченный аплодисментами Рязанов заметил: «Товарищи-стенографы, отметьте, что аплодирует не только ленинградская делегация. (Смех, аплодисменты)», – смех был дружелюбным, – старого оппозиционера уважали все. ^{xlvii}

Но смех и разъединял: стоит обратить внимание на частое сочетание смеха с шумом в зале, – то, что смешило одну сторону вызывало негодование другой. Между оппозиционером Зиновьевым и цекистом Бухариным произошла перепалка. Зиновьев: «Чтобы взять быка за рога, я думаю, товарищи, необходимо прежде всего ответить тем, кто сейчас пытается представить дело так, будто у нас никакого госкапитализма и чуть ли не вообще никакого капитализма нет. Я считаю, что в действительности здесь дело идет о попытке некоторых товарищей объявить сейчас нэп социализмом. (Смех, шум.)» ^{xlviii}

Смешно здесь не соответствие между наименованием и сущностью. Бухарин отвечал от имени ЦК: «Тов. Зиновьев выходит на трибуну и говорит: мы объявляем священную войну тем, кто смешивает нэп с социализмом. Очень хорошо. Мы будем делать то же. Мы тоже будем бороться с теми, кто считает, что у нас кругом социализм, везде и всюду. Но когда вы просовываете пальчик и, указуя этим пальчиком, хотите, сказать или заподозрить или бросить тень по существу на определенных лиц, вы попадаете оным пальцем в небо. (Смех. Аплодисменты.)»^{xlix}

Бухарин сначала высмеивал серьезный тон Зиновьева, называя его поход против недостаточно ортодоксальных марксистов «священной войной», и игриво заявляет, что сам к этому походу присоединится. Однако делал он это только для того, чтобы показать, что опасный враг, качества которого описывал Зиновьев (неспособность отличить НЭП от социализма) на самом деле не более чем чучело, придуманное самим Зиновьевым для того, чтобы выставить позицию ЦК в дурном свете. В своем выступлении Бухарин также сделал акцент на несоответствии между наименованием и сущностью (сторонники наличия в СССР социализма и ЦК), использует прием самого Зиновьева, но лишь для того, чтобы показать, что обвинение ЦК в том, что он всюду видит социализм, не имеет ничего общего с действительностью.

Симметричный обмен колкостями между Зиновьевым и Бухариным стал объектом еще одной шутки на съезде. На этот раз, сторонник оппозиции Евдокимов попытается высмеять Бухарина за его пристрастие к риторическим ухищрениям, скрывающим содержательную пустоту: «Тов. Бухарин в своей длинной речи, отвечая на весь круг вопросов, который был поднят в докладе и в содокладе, по моему глубокому убеждению, с которым вы можете не соглашаться, конечно... (смех), во

многих местах в своей стилистически великолепно построенной речи был крайне бессодержателен. Как только Евдокимов произнес свою инвективу, в зале раздался шум и последовал возглас: «А Зиновьев?». Некто в зале за самого Бухарина решил поиздеваться над Зиновьевым. Дискуссия всегда рисковала перерасти в череду зеркальных оскорблений. Однако Евдокимов нашел, что ответить: «Товарищи, я плачу той же монетой, которую мы получили». (Шум, смех.)¹

Предпочтения слов сущности называлось «формализмом» и высмеивалось обеими сторонами. Вопросы, стоящие перед партией, должны были быть решены, по существу, и для этого требовалась свобода дискуссии. Минин из оппозиционной делегации попытается высмеять попытку ЦКК заранее заткнуть рот меньшинству аппаратными методами, т.е. формально, не рассматривая аргументы всерьез. Не испугалось ли ЦК того, что содоклад Зиновьева окажется сильнее? «Получилось чуть ли не так, что президиум ЦКК до съезда вынес свое постановление в связи с тем, что на съезде был наш содоклад. ... Дорогие товарищи, с каких это пор мы, большевики, стали такими формалистами!? (Шум. Смех. ...)»ⁱⁱ

Однако обвинения в формализме можно было переадресовать и самим оппозиционерам. Требование беспристрастности со стороны ЦКК могло показаться смехотворным в ситуации, когда партию нужно было защищать от нападок оппозиционеров. Вокруг бушевали нешуточные страсти, и нейтральная позиция в такой ситуации была, мягко говоря, неуместной.

По мнению Янсона, требования формальной беспристрастности ЦКК было просто буржуазным трюкачеством, попыткой оппозиционеров из последних сил защитить себя. Трюкачество это тем более смешно, что было совсем не новым. Каждая оппозиционная группа, в конечном счете, к нему прибегала:

Янсон отвечал: «Товарищи, недавний ближайший к нам период истории нашей партии регулярно и систематически показывает, что каждый раз, когда какая-либо группа членов партии начинает атаку на ЦК партии, она ищет в Центральной Контрольной Комиссии какой-то особой беспристрастности».

Голоса с мест: Правильно!

Янсон. Каждый раз на этом самом месте! (Смех.)^{lii}

Делегаты съезда также высмеивали употребление слов ораторами, причем смеялись не одни и те же люди. Что было смешнее, определения нэповской экономики как социалистической, или характеристика цекистов как поборников капитализма? Не веря, что рабочий класс играет должную роль в партии, оппозиционер Саркис смеялся над словоупотреблением ЦК: «в 1922 году, ... съезд констатировал, что рабочий класс сильно деклассирован. А сейчас, ведь, все же мы говорим, что рабочий класс «сильно классирован»... (Шум. Смех.)^{liii}

Отвечая оппозиционерам не верившим, что предприятия в государстве истинно социалистические, цекист Томский тоже обращал внимание на язык: «А вы ... говорили в ироническом тоне: «последовательно социалистические», в чем вы целиком сходите с тов. Рязановым; тон у вас был один. (Смех.) ... Так делать не следует, тов. Глебов. Вы все время не туда смотрите и не в ту дверь попадаете. (Смех.)»^{liv} Здесь речь шла не столько о словах, сколько об интонации. Томскому казалось, что предшествующий оратор недостаточно искренне, буквально произносил фразу «последовательно социалистический», допуская дистанцию между реальностью и ее описанием.

-

«Неправильны утверждение и попытки изобразить дело так, что и оппозиции-то никакой нет. Все время здесь ленинградцы пытались доказать: правда, ... нас обижают, но оппозиции нет. Одним словом, старая пословица: хотя ребеночек и есть, но ребеночек такой маленький, что признайте девицу по суду невинной. (Смех.)»^{lv} Нежелание называть вещи своими именами, рождало смехотворную двойственность в позиции ленинградцев. Несмотря на очевидное наличие разногласий, оппозиция продолжала твердить, что имеют место просто нападки москвичей на ленинградцев. В реальности же – считал Томский -- всем было понятно, что на съезде есть две артикулированные точки зрения и даже был сделан содоклад, – явные признаки того, что речь идет именно об оппозиции.

То оппозиция говорит не то, что хочет сказать, то делать вид, что вообще ничего сказано не было – у нее неправильное отношение к языку. Ленинградец, Тужиков, например, не мог говорить однозначно. Когда у него спросили, считает ли оппозиция решения партийного съезда, «правильными или неправильными?», Тужиков отвечал очень неопределенно: «Я скажу, что в общем правильно. (Смех.) Но мы также считаем, что правильны и те поправки, которые были внесены ленинградской делегацией. (На местах смех и аплодисменты ленинградской делегации.)»^{lvi} Были ли перед делегатами еще одна попытка замазать, скрыть наличие разногласий -- по Ленину непростительное, небольшевистское поведение, связанное с нежеланием вести разговор по существу? Двойственность ленинградцев, соглашающихся с ЦК, и одновременно противопоставляющих себя ему, вызывала смех у сторонников большинства.

-

Раскаты хохота в зале повторялись во время споров о внутрипартийной демократии. Лашевич обвинял лояльную ЦК Московскую парторганизацию в зажиме: «-- Конечно, в царстве тов. Угланова (секретарь Московской парторганизации) все спокойно. Это верно. (Смех.) А пойдите даже в такой район, как Выборгский, лучший район (Ленинграда), там несколько коллективов высказалось против руководящей линии, товарищи имеют свою точку зрения. ... Это говорит о том, что там имеется возможность свободно говорить и обсуждать. ... А вот в московской организации попробуй, пикни». ^{lvii} В этом месте, стенограмма фиксирует «Смех» (Ленинградцев), «шум» (наверняка, чекистов) «протесты со стороны ленинградской делегации», и, не совсем понятно кому принадлежащие, «аплодисменты».

Молотов высмеивал «демократизм» оппозиции в ответ. В Ленинграде, утверждал он, списки в партийные органы шли сверху. Места были распределены заранее, и все знали, кто их займет без всяких голосований. Такой вопиющий разрыв между фразой ленинградцев о «демократии» и приводимой ими политикой вызывал смех: «-- Я могу дать полный список губкома нового состава, утвержденного еще до партийной конференции старым губкомом. (Движение во всем зале, шум на скамьях ленинградской делегации.) ... Так вот, товарищи, я вам показываю полностью этот список, который был утвержден. Читаю: «Постановление от 30 ноября 1925 г., протокол № 12 заседания пленума ленинградского губкома. Слушали: 1)... г) список губкома нового состава. (Общий смех и иронические аплодисменты по адресу ленинградской делегации.) ... А вот он начинается по фамилиям: Зиновьев, Дзержинский, Каменев, Сталин, Евдокимов и т. д. Вот первая страница этих фамилий, вот

-

другая страница, вот третья страница. (Смех, шум, аплодисменты.) Всего 131 фамилия. Теперь в том же протоколе — дальше: «Слушали: список губернской контрольной комиссии нового состава. ... Вот одна страница этих фамилий, начиная с тов. Бакаева, вот другая страница, всего три страницы фамилий. (Шум, смех, аплодисменты.) А общее количество их — 93. (Шум, Смех.)^{lviii}

На этот раз «шумят» Ленинградцы, а «смеются» цекисты. В Ленинградской «демократии», хохотал Молотов, демократии не найти. «И еще пример «демократизма» в ленинградской организации. Но ведь это же — особого рода демократия. Такова демократия по обязанности, такова демократия по необходимости, такова демократия вынужденная, не искренняя, не последовательная, фальшивая, которая от вас здесь предлагается. (Аплодисменты. Смех. Шум.)^{lix}

Демократия была сама по себе смешна, потому, что предполагала многоголосие. У каждого коммуниста свое мнение, свое толкование действительности. Но действительность-то была же одна. «Мы выиграли бы то», говорил Сокольников, что внутри Политбюро был бы, в самом деле, возможен совершенно свободный обмен мнений. Сегодня по одному вопросу может быть одно большинство, завтра по другому вопросу — другое большинство. (Шум, смех. Голоса: «Комбинации? Демократия? Модное руководство?»^{lx}

Утверждение Сокольникова было встречено со смехом потому, что в нем акцент был сделан на переменчивости. Каждый день могло появляться новое большинство и меньшинство. Это напоминало переменчивую моду, связанную с игрой рынка, а не с установлением истинного положения вещей. Большевики

-

пытались нащупать политику соответствующую меняющейся реальности, а не ту, которая будет всех устраивать.

Разрозненность мнений была сама по себе смешна. Все претендовали на правду, все мнения казались легитимными, но кто-то же говорил правду, а кто-то нет. Обратим внимания на рецензию выступления Каменева:

«Каменев. Если, товарищи, большинство съезда проявит желание пойти навстречу меньшинству и (смех) приложит усилие к тому, чтобы совместно обсудить те дополнительные предложения, которые мы имеем сделать ...»^{lxi} Стенограмма отмечала, что такой призыв к плюрализму вызвал смех у цекистов. Но наиболее абсурдным казался еще и призыв Каменева к тому, чтобы большинство пошло навстречу меньшинству. Большинство на то и большинство, что оппозиция, следующая предписаниям демократического централизма, должна принять его точку зрения. Утверждение Каменева о том, что истина находится на стороне меньшинства было воспринято аудиторией как инверсия, переворачивание ролей большинства и меньшинства, и поэтому заслуживало усмешки.

Отвергая саму возможность двойного дна в дискуссии, намерения путем закулисных интриг устроить гонения на вождей оппозиции, Томский говорил: «Давайте условимся относительно того, что когда говорят о дисциплине, то эта дисциплина пусть будет одна для всех. (Аплодисменты.) Не две дисциплины — одна для внутреннего употребления, а другая по карточкам широкого потребления (смех), —а одна!»^{lxii} Делегаты смеялись во всю, — у слов не могло быть два значения.

-

У Томского была целая притча: «Теперь к нам приходят сюда и начинают рассказывать о демократии, о зажиме и т. д. Товарищи, мы знаем, в старое время каждый средний буржуа хотел непременно своего сына обучить хотя бы немножко латыни: «латынь-де украшает человека». Немножко демократии всегда украшает сановника в оппозиции. (Аплодисменты.)» А в результате одно словоблудие. «Смотрите, товарищи, как это скучно повторяется. Не так ли давно мы слышали от Зиновьева и Каменева самые мудрые, самые большевистские и ленинские речи об опасности фракционной борьбы в правящей партии? Слышали об опасности «оттеночков», «группировочек», об опасности перманентной дискуссии. Слышали мы все это? Слышали. Вы помните, как Зиновьев рассказывал об этих «оттеночках», «дискуссиях», «группировочках». А что они теперь говорят? Единственный, говорят они теперь, выход из создавшегося положения тот, чтобы съезд окончить, резолюцию принять, а по остальным вопросам открыть дискуссию к следующему съезду. Ну, благодарим вас. (Смех. Аплодисменты.)» Все так же речь шла о непоследовательности оппозиции. Попытка говорить о «дискуссии» буквально, как о дискуссии была лишь фразой, приемом используемым проигрывающей стороной для того, чтобы завоевать авторитет перед аудиторией.^{lxiii}

В то же время мнения в партии рассматривались не как мнения сами по себе, но как формирующие определенные тенденции на съезде. Точек зрения могло быть сколько угодно, но складывались они в итоге в две ясные позиции: Сталин – «Каменев говорил одно, тянул в одну сторону, Зиновьев говорил другое, тянул в другую сторону, Лашевич — третье, Сокольников – Четвертое.

Но, несмотря на разнообразие, все они сходились на одном», -- уничтожить Политбюро и политизировать Секретариат, кооптируя туда Зиновьева и Троцкого. В отличие от оппозиционеров, не способных прямо и однозначно сказать, чего они хотят, Сталин был готов принять партдисциплину и мнение большинства, даже если это означало его снятие с позиции генерального секретаря. Желание при этом вопить о свободе мнений и дискуссий, делать оговорки казалось ему смешным:

«Если товарищи настаивают», уверял Сталин, «я готов очистить место без шума, без дискуссии, открытой или скрытой, и без требования гарантий прав меньшинства.(Смех.)» Разговор о гарантиях вызывал смех еще и вот почему: «при предварительных переговорах, было выставлено условие со стороны т.т. Зиновьева и Каменева: «это — гарантия насчет будущей работы. (Голоса: «А, гарантия!». Смех.) Как при таких условиях мы будем работать после партийного съезда? — ставили они вопрос». Это — вторая гарантия» разъяснял Андреев. Первая гарантия — не трогать тех, которые вели раскольническую политику против ЦК».

Демократические игры смешили и Андреева. «Вторая гарантия — в том, чтобы обеспечить дальнейшую свободу выступлений Каменева и Зиновьева, выражение их мнений и т. д. Товарищи, обе эти гарантии пахнут одним и тем же: сохранить опасность раскола в будущем составе ЦК». ^{lxiv}

И все-таки как «пахли» слова оппозиции? На что был похож аромат раскола в партии? Судя по стенограмме они точно «не переваривались», не становились частью тела партии, и, можно предположить, что выбрасывались из

-

ее организма как говно. О попытках «переварить» труды оппозиционных теоретиков на съезде рассказывал цекист Рудзутак:

«Я приведу образчик этой учебы и переваривания из «труда», распространяемого в десятках тысяч экземпляров и называемого: «Залуцкий и Сафаров. — Еще о государственном капитализме и социализме». Я прочту одно глубокомысленное место из этой самой учебы и переваривания в духе ленинизма. Вот что тут сказано:

«Влюбленный в муху с давних пор,

Вздыхая, жук сел на забор: —

О, будь моей женою, муха,

И тела моего и духа!»

(Смех).

Тов. Сафаров, не себя ли и Саркиса вы имели в виду под этой парой?

(Общий смех.)lхv

В годы террора середины 1930-х, снижающие обращения следователя к подследственному типа «ты говно» будут иметь буквальное значение. Пока же силлогизм «оппозиция – говно», прочитывался в тексте выступлений лишь имплицитно, сопровождаясь смехом.

Его можно было обнаружить в отсылках к «запаху» оппозиционных речей, в утверждениях о том, что труды оппозиции не перевариваются, или в контексте приведенного Рудзутаком стихотворения. Выступающий не только унижал оппозиционеров, сравнивая их с насекомыми, жуком-навозником и мухой, но также, возможно, намекал на финал стиха: «А он, жених, мрачнее

тучи, сидел среди навозной кучи». Доморощенный ученый оппозиционер напоминал жука-навозника, сидящего среди своего драгоценного теоретического наследия – кучи говна.

Телесное снижения оппозиции могло превратиться в высмеивание защиты от слабости тела, или настроения. Физическое как и психическое состояние, в контексте съезда, уже не воспринималось как фактор, извиняющий поведение оппозиционеров. Наоборот, упадочничество, помутнение рассудка, телесная слабость были поводами для шуток над ленинградцами.

«Если оппозиционеры покаются, – обещал Захаров, – «тогда то настроение, которое у вас сейчас имеется, — я знаю, что настроение у вас сейчас подавленное (смех),— оно исправится. (Шум.)»^{lxvi} Тут просматривается контраст издевательства (смех, наверняка со стороны сторонников ЦК) и протест (шум, протест Ленинградцев). Ленинградцы жаловались на нездоровое настроение, создавшееся в партии из-за преследования свободы дискуссий. Захаров же высмеивал их настроение, ставшее неважным из-за того, что они катастрофически проигрывают дискуссию. Депрессию, однако, было легко вылечить, если бы оппозиционеры признали свои ошибки.

Перед нами интересное преломление риторики солнечно затмения – оказывается, болезнь может вызывать смех. Над оратором издевались, но объектом насмешки являлось его психология – в конечном счете, нечто телесное -- а не сознание. «Вы стараетесь нас представить усталыми, изверившимися, больными», сетовал Лашевич. «Но, товарищи, мы совершенно здоровы (смех), нисколько не устали и не собираемся уставать, не собираемся путаться в ногах партии и мешать».^{lxvii} Смех вызывали заверения оппозиции в

-

собственном политическом здоровье. Делегаты уже поставили свой диагноз. Они знали, что в реальности оппозиция была упадочной, и заверения больных в собственном здоровье встречали лишь усмешку аудитории.

Каганович напоминал, «тов. Зиновьев здесь несколько раз повторял: «Мы не устали, мы не пессимисты и пр.». Но, товарищи, мало слова такие говорить, мало сказать, что мы не пессимисты! Не всякий, повторяющий: «господи, господи», войдет в царство небесное. (Голоса: «Правильно!». Смех.)»^{lxviii} По мнению Кагановича, оппозиционеры были слабыми и разуверившимися, и утверждения меньшинства были недостаточны для того, чтобы заполнить зияющую дистанцию между словами и реальностью.

Зазор между действительностью и ее описанием могла убрать только история. Грядущие события должны были разрешить внутривнутрипартийные противоречия. По крайней мере, на это рассчитывали ленинградцы. «Товарищи», говорил Евдокимов, не забывайте пословицу: «Хорошо смеется тот, кто последний смеется». (Смех.)^{lxix} Несмотря на то, что Евдокимов хотел посмеяться в конце, когда история рассудит его и ЦК, большинство действовало на опережение. Оно само выступило как суд истории, осмеяв оратора и не дав ему возможности посмеяться, когда момент выдастся в будущем.

«Ленинградские товарищи поставили вопрос принципиально», утверждала оппозиционерка Николаева, «и на их постановку надо было ответить принципиальным обсуждением выдвинутых вопросов. Чем отвечали товарищи, выступавшие в дискуссии от большинства, и чего не предупредила ЦКК? Они отвечали ... наклеиванием на ленинградскую организацию эпитетов ликвидаторства, меньшевизма, безверия и прочие».

-

Николаева протестовала против неприемлемых методов борьбы. Она, также как и большинство партии, видела зазор между ярлыками, приклеиваемыми к оппозиции, и представителями меньшинства. Она, как и ее противники, верила, что устранив этот зазор можно добиться оздоровления обстановки в партии:

-- «Это—метод нездоровый и может привести к гниению внутри партии.

-- (Голос: «Не так страшно!».)

-- Не так страшно? Нет, товарищи, очень страшно.

-- (Моисеенко: «Потому что вы попались».)

-- Мы попались? Это вопрос, кто еще попался. Будете видеть

(Моисеенко: «Уже видим»)

... и посмотрите, что история скажет.

(Смех. Голоса: «Тоже на историю!».)

--XIV съезд партии войдет в историю.

(Радченко: «Тоже философия!». Смех.)^{lxx}

В этом короткой, но насыщенной перепалке суд истории и юмор были тесно связаны. Николаева считала, что история осудит шантаж против оппозиции, – партия загниёт, – но ей отвечали, что оппозиция уже гниет, прямо перед их глазами, и, учитывая, что партия в собственном здоровье не сомневалась, разложение оппозиции не могло нанести большинству никакого вреда. Это оппозиции нужно было лечиться, а не партии. Если упадочники загнивают, то часть, отделяющая себя от целого, никак ему не может навредить.

Находясь в меньшинстве, Николаева уповала на будущее. Цекистам же все было понятно уже в настоящем. Они были уверены, в собственной

-

способности видеть, как истинное положение вещей без всяких риторических ухищрений его скрывающих, так и грядущие события. История была на их стороне, смеялись над ее «философией» -- отсылая к отвлеченному методу мышления в оппозиционной статье Зиновьева «Философия эпохи».

Истина была одна, и оспаривать ее, играя словами, было нельзя. «Каждому лояльному члену партии ясно», отмечал Калинин, что решения съезда будут проверены через год, «и если окажется, что большинство ошибалось, тогда на будущем съезде вы получите авторитет. (Смех.) Ваш авторитет повысится. Вас здесь 60 или 70 человек, а будет 90. (Смех.) И когда вы выйдете здесь на трибуну, тогда вы скажете: вот ваша ошибка! (Смех.)»^{lxxi} Возможность, что история оправдывает оппозицию, казалась смешной. Оппозиционеры выглядели жалкими, а не угрожающими, и перспектива, что ситуация изменится, казалась маловероятной.

Одной из важных тем съезда была проблема отношения к вождям. Зиновьева и Каменева упрекали в их попытках очернить Бухарина, выставить его защитником капитализма в деревне и извратителем учения Ленина. Лозунг Бухарина «обогащайтесь», обращенный к крестьянам, – казался апологией капитализма. И не смотря на то, что Бухарин за лозунг принес извинения, ленинградская оппозиция не хотела прекращать своих нападок на него.

Защищая своего вождя, ЦК в свою очередь указала на способность Бухарина признавать свои ошибки и выправлять уклоны, а вот предательское поведение Каменева и Зиновьева в преддверии Октябрьского восстания, о котором они молчали, – казалось большинству признаком двуличия ленинградских вождей. Орджоникидзе, защищая ЦК, не преминул напомнить

Каменеву с Зиновьевым об их ошибках: «А любой из наших остальных дорогих вождей, конечно, не застрахован от ошибок, — это разрешите вам доложить»^{lxxii}.

Реплика Орджоникидзе вызвала взрыв хохота именно потому, что он прямо не заявил, о ком из «дорогих вождей» он говорил, и о каких «ошибках» вел речь.

Однако намек понял каждый из сторонников большинства и сообщил об этом смехом.

Вождей, которые бы умели угадывать ход истории и говорить голосом чистой правды, было не много. «После смерти Владимира Ильича у нас была большая тревога за то, — можем ли мы всем объединённым фронтом заменить тов. Ленина» говорил оппозиционер Бадаев. «Не один десяток раз перед нами вставал этот вопрос, и мы все говорили: да, мы должны сплотиться еще сильнее, мы должны быть еще дружнее. Мы тогда говорили: у нас очень немного таких товарищей, которые работали с тов. Лениным десятки лет, которые хорошо знают и изучили тов. Ленина, изучили не только то, что он уже сказал, но и изучили хорошо и то, что тов. Ленин думал дальше делать. (Смех.) Таких товарищей у нас очень немного. (Голоса с мест: «Это Сафаров и Саркис?») Смех.) Таких товарищей у нас немного. Это тов. Каменев, тов. Зиновьев, тов. Сталин и еще некоторые другие товарищи. И вся надежда у нас была на то, что мы будем идти сплоченным фронтом».^{lxxiii} Над Ленинградцами смеялись, припоминая, что в ходе предыдущей дискуссии они выступали как главные ортодоксы, и, что немаловажно, за защиту монолитного единства партии. В контексте съезда, утверждения о том, что Зиновьев с Каменевым знали, «что Ленин думал дальше делать», — казались смешными.

-

Экзаменовать слова вождей могла только сама история. Каменев – «Товарищи, я не думаю, чтобы все эти опасности и тенденции, которые, по моему, совершенно ясны, — чтобы эти опасности и тенденции без предварительного обсуждения партии, без предварительного сопоставления разных точек зрения на ваших конференциях, в ваших организациях и т. д. были сразу всем ясны. Нет, товарищи, я не надеюсь на то, — ведь вы понимаете очень хорошо, — я не надеюсь на то, что вы после моей речи голоснете иначе, чем вы решили голосовать до моей речи (Смех.)». ^{lxxiv} Не совсем понятно, кто здесь смеялся. Это мог быть язвительный смех тех, кого смешили очевидные слова, но и смех солидарности тех, кто думал, что только ход событий может вразумить ЦК.

Кто умел почувствовать ход истории? Томский передразнивал Зиновьева, высмеивая его необоснованные надежды на понимание истинной сути вещей. «С чего начинается его «Философия эпохи»? С того, что страна явно вступает в, какой-то новый период. Я помню наизусть: «Почти физически слышны шаги истории. ... Кончается глава, начинается другая». ... Он слышит шаги истории, а мы, члены Политбюро, сидим рядом и ничего не слышим. (Смех, аплодисменты.) Ну, если ты слышишь, в праве мы тебя спросить: скажи нам, что ты слышишь? (Общий смех, аплодисменты.) ... Тов. Зиновьев часто употребляет такое сравнение, — что для того, чтобы узнать, о чем думает народ, нужно ухо к земле приложить. Очевидно, он приложил ухо к земле (смех) и хорошо знает, о чем думает наш народ». ^{lxxv}

На самом деле, язык Зиновьева надо было закавычивать, потому, что он не слышал шаги истории. Дальновидный политик называл вещи своими

именами без всякого усилия, а вот оппозиционеры были отчуждены от реальности. Смех распределялся соответственно: в случае Сталина, было смешно думать, что он может ошибиться, в случае Каменева, что он может говорить правду. Под огнем генсека вновь оказалась непоследовательность Зиновьева. Сталин знал, что язык нужно понимать буквально, а не метафорически. Он видел в словоупотреблении Зиновьева в прошлом симптомы его теперешних шатаний: «Вот, что он говорил, например, на XII съезде партии: «Когда мне говорят: у вас «уклон», вы уклоняетесь в сторону крестьянства, —я отвечаю: да, мы не только «уклоняться» должны в сторону крестьянства и его хозяйственных потребностей, но нам надо поклониться и, если нужно, преклониться перед хозяйственными потребностями того крестьянина, который идет за нашим пролетариатом». Вы слышите: «уклониться», «поклониться», «преклониться». (Смех, аплодисменты.)»

Делегаты получали удовольствие от чуткости Сталина к языку. Потом, когда с крестьянством стало лучше, тов. Зиновьев «сделал новый «поворот» ... и ... стал «уклоняться» более решительно против середняка. Наконец, к XIV съезду партии он делает еще один поворот уже в сторону союза с середняком и, пожалуй, начнет еще хвастать, что вновь готов «преклониться» перед крестьянством». Желание «уклоняться» и «преклоняться» было признаком расколотости, слабости, непоследовательности субъекта, его подверженности сомнениям, невротического, и как показалось партии, истерического состояния. В конечном счете, речь шла об оппозиционной болезни: «Какая гарантия, что тов. Зиновьев не колебнется еще разочек? Но это ведь качка, товарищи, а не

-

политика. (Смех, аплодисменты.) Это ведь истерика, а не политика. (Возгласы: «Правильно!».)^{lxxvi}

В предъявленных ленинградцами обвинениях настораживало и то, как они ставили вопросы об отношении товарища и занимаемой им должности. Они считали, что есть должности в партии, дающие товарищам огромный простор для злоупотреблений. В то же время, Каменеву казалось, что он не соответствовал занимаемому им посту. Будучи председателем Политбюро, он все равно не мог исполнять своих обязанностей, вносить вклад в управление государством. Имя и пост здесь могут быть соотнесены, как означаемое и означающее, вещь и ее описание. По мнению оппозиционеров, были такие партийные означающие, которые превращались в привилегию. Каменев упрекал Сталина в том, что его пост генерального секретаря позволял монополизировать в своих руках всю полноту власти. Но его оппонентам было очевидно, что это ему мерещится.

Эта иллюзия была вызвана несоответствием в голове самого Каменева между словами и действительностью. В партийной реальности царил равенство, и речь могла идти лишь о том, чьи слова лучше соответствуют советской социальной реальности. Неспособность Каменева понять, что дело не в постах, а в том, что его предложения не соответствуют действительности, вызывала смех Ворошилова. По его мнению, можно было бы подумать, что дело в особой природной способности Сталина выдвигать правильные предложения, – смехотворное утверждения для большевика. Дело было не в постах, а в отстаиваемой истине: «Почему же тов. Каменеву, который является

председателем Политического Бюро», – спрашивал он, – «почему ему все-таки кажется, что он не управляет? Почему? (Смех. Аплодисменты.) ... Тов. Сталину, очевидно, уже природой или роком суждено формулировать вопросы несколько более удачно, чем какому-либо другому члену Политбюро. (Смех.) ... его предложения чаще проходят, чем чьи-либо другие. (Смех, аплодисменты.)»^{lxxvii}

Что же надо было делать с оппозиционной трескотней? Калинин не рекомендовал исключения из партии, попутно иронизируя, над отношением ленинградцев к партийным должностям. «Я допускаю, что, может быть, поскольку я занимаю довольно либеральный пост (Михаил Иванович Калинин был председателем настоящей властью не наделенного ЦИК СССР)), я просто, по своему всегдашнему стремлению амнистировать, здесь тоже поддался чувству милосердия. (Смех) Но, товарищи, со мною был тов. Ворошилов, который занимает положение, при котором милосердие отходит на задний план. (Смех.)» Смешно было считать, что ЦК рассуждает исходя из занимаемых должностей, а не из существа дела, – мягкая позиция преобладала потому, что была правильной.^{lxxviii}

Претензии Каменева на лидерство были смешны, а вот в случае большинства Политбюро сама возможность ошибки была смешна. Решения ЦК были обязательны для исполнения. «Его предложения, – Ворошилов продолжал, – «принимаются единогласно. Утверждаю, что по коренным основным вопросам, даже по вопросу о том, возможно ли строительство социализма в одной стране, который обсуждался в моем присутствии на Политбюро, — даже в этом вопросе — после того, как выступили т.т. Сталин и Бухарин, было

единодушно решение: можно строить. (Смех, аплодисменты.)^{lxxix} Истина дублировалась: один раз слово было означаемым (строим), второй раз, означающим («строим»). В первом случае речь шла о действии, во втором – о слове, действие описывающем. Но для решения ЦК границы между означаемыми и означающими не существовало. Оно было перформативом, словом, являющимся одновременно действием – партия присягала построить социализм.

Освещая «злосчастный вопрос» с созывом Ленинградской конференции комсомола – читатель помнит, что база оппозиции в 1925 году были именно в молодежных организациях -- Наумов тоже находил жесткие меры источником юмора: как только эту ошибку подметили, —«ошибку, в которой сами товарищи комсомольцы сознались, так вместо того, чтобы попробовать сбившихся товарищей направить на правильную дорогу, вместо того, чтобы помочь им как следует это изжить, их начали, по-моему, сечь (Возгласы: «По-отечески!») Именно по-отечески, я в этом смысле и сказал. (Смех). Возгласы типа – «Сечь того, кто не исправился» -- остановил Сталин: «Сечь нельзя!»^{lxxx} Если для большинства участников слово «сечь» было воспринято с иронией, не на полном серьезе, то Сталин понял слово буквально и решил прекратить несерьезный разговор об угрозах. Статус насилия в языке был спорным. Нужно было ли комсомольцев сечь буквально, или речь шла о перевоспитании?

После закрепления победы над Ленинградской оппозицией, угрозы ЦК стали суровей, хоть и пока не теряли пока значения оборота речи. Бухарин шуточно говорил о внутрипартийной войне на 11-й чрезвычайной партконференции Выборгского района в конце января 1926 года: «Мы все-таки

-

ведем не империалистическую войну, так что вопрос, кто напал и кто защищается, имеет весьма определенный смысл. И здесь простая хронология, т.е. установление того, кто вначале сказал «а» и, кто потом ответил «б» весьма не лишний (смех)». ^{lxxxі} На первый взгляд, не стоит относиться с чрезмерной серьезностью к утверждению Бухарина, что оппозиция пошла на ЦК войной, хотя именно из-за этого делегаты рассмеялись. Даже если произошла неприятная партийная потасовка, это была семейная ссора.

Чтобы восстановить чувство общности, Бухарин иронизировал над собой. «Я сделал ту ошибку, что выражая мысль о перенесения тяжести на экономическую борьбу, о нашей заинтересованности в развитии товарооборота, и т.д. . . . формулировал эту свою мысль так, что мы должны сказать всем крестьянам: «накапливайте в хозяйстве, обогащайтесь (смех). Слово это было с очень нехорошим привкусом, оно было подхвачено, и использовано с разных сторон».

Язык Бухарина был языком сельского буржуа, но кто, в здравом уме, мог воспринять его слова буквально? «Оппозиция била в одну точку, изображая меня чуть ли не настоящим батшкой, который стремился завлечь партию на такие рельсы, которые ведут прямо в объятия старой и новой буржуазии», – опять стенограмма фиксировала смех в зале. ^{lxxxіі} «Вы придираетесь к нему, потому что тов. Бухарин слишком быстро идет на признание своих ошибок, а вы пользуетесь этим и хотите одного из крупнейших авторитетов нашей партии свести на-нет», – говорил Калинин еще на съезде. «Вы крови бухаринской хотите. (Смех.)» ^{lxxxііі}

-

Язык подставил Бухарину подножку, но среди товарищей преобладала установка на благие намерения. Зиновьевцы могли продолжать подтрунивать над ним, лишь бы они повиновались решениям партийного съезда. В какую-то минуту Бухарин смеялся вместе с оппозицией. В другую, все еще провоцируя аудиторию на смех, его язык был более похож на язык победителя, который глумится над побежденными.

Зиновьевцы все еще сквернословили, при этом, не будучи способны называть вещи своими именами. Первая записка в президиум, на которой Бухарин остановил внимание, была «написана, сногшибательно, учено, но автор оказался недостаточно грамотным для того, чтобы разборчиво поставить свою фамилию (смех), что свидетельствует о его больших познаниях и его не совсем большом мужестве. Ибо чего же стеснятся подписывать фамилию под запиской, в которой нет ничего уголовного, ни политически особенно предосудительного? Очевидно, осторожность является добродетелью этого товарища. (Смех. Аплодисменты)».^{lxxxiv} Нежелание ставить свое имя в записке делало сам вопрос не легитимным, потому что никак не обозначало место задавшего его в реальности. Вопрос без вопрошающего не был вопросом. Голос, не имеющий источника, казался партии подозрительным. На съезде, смешала дистанция между словами оппозиции и действительностью, здесь же, на Выброской конференции, речь шла о зазоре между словами оппозиции и их автором.

Готовность оппозиции оспаривать марксизм ЦК встречалась с юмором: «-- сказать, что кто-то меньшевик «большое искушение для каждого, кто любит загнуть крепкое слово»– стенограмма фиксирует смех в зале.^{lxxxv} Такие

-

инвективы были знакомы Бухарину, хотя ему и не хотелось относиться к Зиновьевцам как к врагам большевизма. «Разве у нас нет таких противников? Конечно есть. Меньшевики, в первую очередь, анархисты во вторых, левые эсеры -- в третьих. Конечно, мы их со всех сторон спаяли, задавили, и держим их благополучно (смех) ...».lxxxvi

Ставя вопрос о распространении насилия на Зиновьевцев, Бухарин оставлял открытым вопрос, всерьез ли он говорил. Он подтрунивал над оппозицией, которая считала, что можно строить социализм, «но другое дело если капиталисты нападут и зачекочают нас до смерти штыком (смех). Это другое дело. Если это случится, если будет такая интервенция, с которой мы не в состоянии будем справиться, тогда мы не гарантированы от того, чтобы повисеть немного на телеграфных столбах (смех)». lxxxvii Оппозиция не понимала серьезность сложившегося положения, и это было по-своему смешно.

Зиновьевцы поняли, что им может быть скоро не до шуток. Только один товарищ осмелился сказать пару слов в защиту Ленинградской делегации. «Но мне кажется, -- заметил Бухарин -- что к этому товарищу следует применить хорошую русскую поговорку, «лежащего не бьют». (Смех. Аплодисменты). Гуманный и великодушный. Бухарин тут же добавил, «известная размолвка у нас была с теми, про которых можно словами стихотворения, «одних уж нет, а те далече» (Смех. Аплодисменты). lxxxviii

В цитате из Евгения Онегина слышен был намек на ссылку («далече»), даже на смерть («уж нет»), но говорил Бухарин, как бы не своими словами. Слова о возможном насилии над оппозицией преподносились Бухариным как

загадки – он не брал за них полную ответственность. Аудитория опять взорвалась смехом и аплодисментами.

--- МОЖНО ПРОПУСТИТЬ ---

К концу года большинство ЦК уже выступало триумфатором.

«Правильность политики нашей партии подтверждена Жизнью», – заявил Куликов на XV партконференции (октябрь-ноябрь 1926): «Лидеры оппозиции, которые, как заявил однажды т. Зиновьев, шли на дискуссию с уверенностью в победе, представляли собою до некоторой степени королей в шахматной игре и получили от партии не только шах, но и самый настоящий мат. (Смех.)»^{lxxxix}

Куликов не чуждался обращаться к двойственности языка. «Мат» мог означать не только последний ход в шахматной игре, означающий, что противник повержен, но и площадную ругань, которой обложили оппозицию.

Рыков заметил: «Некоторые товарищи в частном разговоре указали мне на то, что «лежачего не бьют». (Смех.) Указание это свидетельствовало о двуличии оппозиции: они сами затеяли склоку, и одновременно вздумали просить пощады. Но дело было не в либеральном гуманизме и сострадании. На кону была судьба партии и возможность фракционного раскола:

«Мы все с удовольствием пожалели бы этих людей (с места: «Правильно!»), если бы мы с вами не несли ответственности перед рабочим классом и страной за выступления оппозиции ...»^{xc}

-

Временами казалось, что спор идет о мелочах. Но как только большинство чувствовало, что полное единодушие вот-вот уже достигнуто, оказывалось, что мелочь, разделявшая стороны, была слишком существенна, чтобы говорить о возможности взаимопонимания. Идентичность сторон была не полной, и всегда одно маленькое отличие все портило. Но одновременно эта половинчатость оппозиции, не способность согласиться с большинством до конца и смешила ЦК.

Микоян предупреждал, что «у т. Каменева неоднократно случался такой грех за последнее время. Так, например, на июльском пленуме ЦК он выступил с этой же трибуны так примиренчески, что т. Серго крикнул: «Переходи к нам, чего ты ждешь?» (Смех.) А в конце этой примиренческой речи, в которой он заявлял, что у нас нет никаких принципиальных непримиримых разногласий, он, однако, сказал: ваша политика расходится с интересами пролетарской революции. (Смех.) Вот эта-то ложка дегтя испортила всю бочку меда, а меда у него, надо сказать, много бывает в его речах, и во вчерашней речи меда было достаточно, но дегтя, я думаю, тоже хватило настолько, чтобы эту бочку не принимать к употреблению. (Смех.)»^{хсi}

Зиновьев утверждал, что если обсуждение вопросов в партии было бы поставлено правильно, как было при Ленине, то оппозиции бы исчезали после разрешения проблем, вызывающих их появление. Орджоникидзе услышав эту мысль, намекнул, что ее можно понял и буквально, связав исчезновение оппозиции с исчезновением оппозиционеров. «Я не совсем понял, что т. Зиновьев хочет. Если он хочет рассосаться,—я думаю, что вся конференция будет очень довольна, если т. Зиновьев как можно скорее рассосется и оставит

-

свою нынешнюю позицию. (Смех; аплодисменты.)»^{xсiі} Должен ли был Зиновьев исчезнуть как оппозиционер или же испариться как человек? Простор для разночтений сохранялся.

Непрямые угрозы и смех над непоследовательностью мы уже слышали. Однако конференция подбросила новый повод для шуток. Смеялись над «объединением» только вчера враждовавших оппозиционных сил. «Троцкизм» быстро обретал сакральный смысл, вызывая одновременно страх и гомерический смех. Каменев с Зиновьевым всеми силами пытались отделаться от приклеившегося к ним ярлыка «троцкистов». Им хотелось, чтобы ЦК их рассматривало все еще как самостоятельную силу:

«Ежели «основным фактом в развитии внутрипартийных отношений после XIV съезда является то обстоятельство, что оппозиция перешла на сторону идейной позиции троцкизма, тогда за что же вы нас осудили на XIV съезде?», – спрашивал Каменев. «Итак, товарищи, вы на XIV съезде... (Шум. Голос: «На XIV съезде были самостоятельные грехи».) Вы нас на XIV съезде осудили независимо от того, что мы не перешли на сторону троцкизма. Теперь хотите осудить за то, что мы якобы перешли на сторону троцкизма. Я боюсь, что вы осудили бы нас, если бы мы вообще ни на какую позицию не переходили. (Смех.) ... Никогда, нигде мы не защищали, не защищаем и, можем вас уверить, не будем защищать ... то специфическое, что действительно отличало исторический троцкизм от ленинизма. (Смех.) ... Да, мы сошлись с Троцким, на защите совершенно определенных взглядов ... Мы сделали то, что неоднократно практиковал в своей работе и т. Ленин (Смех), опираясь во

-

внутрипартийной борьбе на те, или другие группы внутри руководящих учреждений партии. (Смех.)»^{xciii}

Обращает на себя внимание, количество взрывов хохота, которым сопровождалось выступления Каменева. Если первый смешок можно еще пытаться рассматривать как сочувственный, то далее смехом сопровождается каждое упоминание Каменевым ленинизма. Забавляло, что Каменев с Зиновьевым продолжали прикрываться именем вождя, даже после объединения с заклятым врагом Ленина в теории, с Троцким. «Ильич дело понимал», передергивал Бухарин, и разделялся бы с оппозицией, когда это стало бы политически возможным: «ну-ка, исключи всех, когда имеешь два голоса. (Смех.) А вот тогда, когда имеешь всех, и против себя имеешь два голоса, а эти два голоса кричат о термидоре,—тогда можно и подумать. (Возгласы: «Правильно». Аплодисменты, смех. Сталин с места: «Здорово, Бухарин, здорово. Не говорит, а режет».)^{xciv} После объединения, оппозиция казалась еще более жалкой, чем до него. Бухарин подтрунивал над бессилием и малочисленностью оппозиции, предлагая, – в шутку ли? – исключить оппозиционеров из партии.

«Чем характеризуется теперь состояние оппозиционного блока?» спрашивал Сталин. «Известно, ... что внутри блока, т.-е. между оппозицией «новой» и оппозицией «старой», тоже имеется размолвка ... Выходит таким образом, что блок-то они сформировали и сформировали его с большой помпой, а результат получился обратный тому, чего они ожидали от блока. Получилось то, что с точки зрения арифметики, они должны были получить плюс, ибо сложение сил дает плюс, но не учли того, что кроме арифметики есть еще

-

алгебра, что не всякое сложение сил дает плюс (смех), ибо дело зависит не только от сложения сил, но и от того, какие знаки стоят перед слагаемыми. (Продолжительные аплодисменты.) Получилось то, что они, сильные по части арифметики, оказались слабыми по части алгебры, при чем, складывая силы, они не только не увеличили свою армию, а, наоборот, довели ее до минимума, довели ее до развала. Чем была сильна зиновьевская группа? Тем, что она вела решительную борьбу против основ троцкизма. ... Но коль скоро зиновьевская группа отказалась от своей борьбы с троцкизмом, она, так сказать, оскопила себя, лишила себя силы. Чем была сильна группа Троцкого? Тем, что она вела решительную борьбу против ошибок Зиновьева и Каменева в октябре 1917 г. и против их рецидива в настоящем. Но коль скоро эта группа отказалась от борьбы с уклоном Зиновьева и Каменева, она оскопила себя, лишила себя силы. Получилось сложение сил оскопленных. (Смех; продолжительные аплодисменты.)»^{xcv}

Бухарин говорил в унисон, также насмехаясь над тем, что собравшимся было очевидно, что ни Троцкий, ни Каменев с Зиновьевым не могут похвастаться ни своим идейным багажом, ни преемственностью по отношению к историческому ленинизму. «Теперь, товарищи, посмотрим, с какой позицией и с какими мыслями выступают сейчас товарищи из оппозиции? Должен вам сказать, что они за последнее время, в особенности т. Троцкий, известный своей самоуверенностью, защищают ту замечательную мысль, что у них-то в карманах и есть главный идейный багаж, тогда как Центральный Комитет в этом отношении—нищий духом, по евангельскому тексту. (Смех.)»

Оглядываясь на Сталина, Бухарин хохотал во всю: «Когда т. Каменев выходит сюда и на прямые вопросы о том, в каких вы отношениях с троцкизмом, говорит: я, Каменев, сейчас объединяюсь с Троцким, как Ленин объединялся с Троцким и опирался на него, то в ответ на это можно разразиться только гомерическим хохотом. Ишь какой Ленин нашелся! Вы видите, и все мы видим прекрасно, что т. Каменев и т. Зиновьев весьма странным образом опираются на Троцкого. (Продолжительный смех, аплодисменты.) Они «опираются» на Троцкого так, что Троцкий сидит целиком «верхом» на них. (Хохот, аплодисменты.) И потом т. Каменев из-под идейной гегемонии Троцкого что-то хриплым голосом пищит: я опираюсь на Троцкого. (Хохот.) Совсем как Ленин! (Смех.) Претензия замечательная! Ну, разве это не фарс, разве это не комедия? Конечно, комедия, чистейшая комедия, которой решительно никто не поверит».^{xcvi}

Сам Каменев не был уверен в себе. «Я не отрицаю, что в полемике у того или другого товарища могла сорваться фраза, выкрик, речь, которая могла быть не так истолкована (Смех) ...».^{xcvii} Он заявил, «что в средние века ведьм сжигали на костре и что он согласен, чтобы и его сожгли, если он виновен», но правда вместе с тем ставил условие, «что он сам будет определять, виновен он или нет. (Смех.)»^{xcviii} В обоих случаях смеха в зале было понятно, что оппозиция не может управлять собственными словами и толковать их. Правом на определение смысла слов говорящего, а также на установление вины обладало большинство ЦК, а не Каменев.

Но о сжигании пока и речи не было. На дворе был 1926 год – пик медикализации оппозиции. Каменев использовал метафору болезни, но пытался

-

делать это иронично, с юмором. Он хотел показать, что оппозиционность не была случайным явлением, помрачением рассудка отдельных вождей, она была вызвана объективной ситуацией в партии. Но слушатели не восприняли иронический тон Каменева, им казалось, что оппозиционеры были действительно больны, причем больны уже давно. Каждое утверждение Каменева, с попыткой датировать его переход на сторону оппозиции, было встречено альтернативной хронологией, указывающей на давние симптомы болезни в нем, и попутным смехом. Оппозиционность постепенно превращалась из случайного уклона в состояние ума.

«Вы вправе спросить нас: что заставило нас забить тревогу... (Голос с места: «Фракционность».) Фракционность ведь не родилась со мной в люльке, ведь она только в 1925 году появилась. (Голос с места: «Нет, еще в 1917 году».) В 1917 году фракционность? Это уже никуда не годится. А в 1925 году я «заразился» фракционностью. Вы теперь можете сказать: ну, заразился фракционностью, Сталин скажет, как тебя следует наказать, кончай речь. Но должно это вас, товарищи, интересовать: как же это могло случиться, почему это Зиновьев, Каменев, Троцкий, один, другой,—товарищи, которые не страдали этой болезнью в продолжение 8 лет... (Голос с места: «Троцкий не страдал?») Смех, шум.) ... Я вышел на трибуну, товарищи, для того, чтобы сказать вам прямо и откровенно, потому что мы были объаты тревогой за правильность практической политики нашей партии в данный момент».^{xcix}

Через год, на XV партийном съезде, никто уже не смеялся с оппозицией. Смеялись над ней. Юмор упростился, и стал совсем издевательским. Если на предыдущем съезде и партконференции всех смешила двойственность

-

оппозиции, ее попытки одновременно поддерживать ЦК и выступать с собственной программой, неспособность оппозиции решить с кем они, то теперь решение было сделано за нее. Оппозиция уже воспринималась не как часть партии, а как самостоятельная сущность, которую от партии нужно было изолировать. Смех на съезде выступал как один из инструментов отделения оппозиции от тела партии.

«После XIV съезда, вспоминал Андреев, когда нам, ряду цекистов, пришлось поехать в Ленинград для освещения вопросов, решенных XIV съездом, мы там встретились с Зиновьевым и другими оппозиционерами, тогда они нам грозили и заявляли: «мы посмотрим еще, каков будет XIV 1/2-ный и XV съезд партии». Мы им говорили, мы говорили Зиновьеву: «не хвастайтесь, идучи на рать». (Смех.) ° История нашла оппозицию виноватой, и поэтому смешной. Вождей оппозиции на съезд не пригласили, а те, кто присутствовали, например, бывший ректор Ленинградского комвуза, Минин, стали объектом насмешек.

«Тов. Минин, — как часы, которые остановились два года назад и показывают XIV съезд» насмеялся Томский. Сейчас XV, а не XIV съезд. (Смех.) Тов. Минин, вы проспали очень много: два года жизни. За эти два года очень многое произошло. Мы старше стали. Казалось бы, за два года хоть немножко поумнее полагается стать. На XIV съезде Зиновьев, Минин и другие, выступая, имели за собой большинство ленинградской организации. Они выступали как стопроцентные антитроцкисты. А на XV съезде Зиновьев, Каменев, Евдокимов, лидеры оппозиции, выступают, не имея за собой почти ни души в ленинградской организации, и выступают как стопроцентные

-

троцкисты. Вот в чем разница. Два года прошло. За два года много перемен произошло».^{ci}

Попытка Евдокимова говорить от имени рабочего класса вызывала усмешки. «Здесь, на съезде, утверждают, что рабочие требуют нашего исключения из партии. (Голоса: «Правильно! Правильно!» Шум, смех.) Неправда. (Шум.) Немного найдется таких рабочих, которые поверят, что такие вожди партии, как Зиновьев, Каменев и Троцкий (Смех, сильный шум. Голос: «Именно такие вожди!»), могут являться врагами рабочего класса, партии и советской власти».^{cii} Оппозиция уже никого не представляла, никак не связывалась с рабочим классом. Наоборот, она воспринималась как его враг. Утверждения Евдокимова были мгновенно оспорены смешками и издевательствами. Рабочий класс представлял только ЦК, и он знал, что рабочие, на самом деле, требуют исключения оппозиции. Если ранее Бухарин иронизировал, над возможностью исключения оппозиционных вождей, то теперь партия говорила об этом прямо.

Если на XIV партийном съезде юмор использовался, чтобы разрядить обстановку, то съездом спустя юмор использовался как оружие, чтобы ранить и оскорбить оппонентов. Смеху сопутствовал шум, ораторов от оппозиции пытались заставить замолчать. Тем не менее, Евдокимов пытался продолжить выступление. Он говорил о том, что рабочий класс страны волнуется возможностью раскола, что раскол провоцирует ЦК, и что рабочие хотят сохранить оппозиционеров в рядах партии. Эти утверждения казались абсурдными, ЦК был уверен, что в расколе целиком виновата оппозиция, что они создавали

условия для организации второй партии, и что теперь оппозиционеры уже не могут быть рассмотрены как часть ВКП(б).

«Вы не раз были свидетелями, того, как довольно широкие круги рабочих выражали сочувствие оппозиции. (Шум, смех. Голос: «На Ярославском вокзале?»). Речь шла о демонстрации оппозиции связанной с высылкой одного из вождей оппозиции, И. Т. Смилги, на работу на Дальний Восток. Во время проводов на Ярославском вокзале оппозиционеры обратились с речью к беспартийным рабочим, – поведение нарушающее партдисциплину. Вопрос к докладчику, сопровождаемый смехом, был призван показать, что сочувствие оппозиции выражают темные беспартийные массы. Евдокимов был другого мнения: «... Не последним вопросом, интересующим самые широкие рабочие массы, является вопрос о возможности и об опасности раскола ВКП. (Шум, смех. Голоса: «Слышали!»)... Самые широкие рабочие массы, из 100 человек 99, хотят, прежде всего, чтобы было сохранено единство нашей партии. (Сильный шум. Голоса: «Без вас!» Голос: «Оно есть и останется!») ... Рабочие, конечно, против раскола, они против двух партий. (Смех, шум. Голос: «А оппозиция за это?»)»^{ciii} ... Товарищи, я снова повторяю: рабочий класс ... не хочет того, чтобы большинство препятствовало меньшинству подчиниться решениям XV партийного съезда, выставляя неприемлемые требования. (Смех, шум. Голос: «Для этого вы подполье устраиваете?»).

Высказывание об опасности раскола, по мнению Евдокимова адресованное ЦК, было мгновенно и со смехом переадресовано оппозиции. Как только оратор стал призывать к единству партии, из зала сразу заявили, что оппозиция уже в партийное единство не включена. Следующее утверждение о

-

том, что рабочие против появления двух партий было тут же перетолковано, чтобы показать, что воля оппозиции (создание второй партии) никак не соотносится с волей рабочих масс (сохранение единства). Последний смешок был также призван подчеркнуть тенденции оппозиции к самоизоляции. Вместо того, чтобы согласиться с решениями съезда, она устроила подполье. Контраст между стремлением организационно обособиться и в то же время желанием говорить о партъединстве смешил.

Но Евдокимов не слышал издевок и продолжал утверждать, что рабочий класс соперничает оппозиционерам. Он пытался защищать свободу придерживаться собственного мнения, пусть и не согласного с точкой зрения большинства. До сих пор эта свобода оставалась за членом партии. Однако к XV съезду троцкизм уже перестал быть простым мнением. Отречение от троцкизма уже являлось долгом для каждого честного партийца, и попытки выставить скверну, загрязняющую ряды партии, в качестве собственных взглядов, вызывала насмешки. Отрекаясь от троцкизма ты отрекался не от самого себя, а по-настоящему обретал себя в рядах большинства:

Да, да, нельзя ставить такие требования, которые рабочий класс никогда справедливыми счесть не сможет, требования отказаться от самих себя, отрешиться от своих взглядов. (Смех, шум. Голос: «От троцкизма?» Голос: «Что ты говорил с этой трибуны о Троцком пару лет тому назад, — вспомни!» Голос: «Ренегат!»)»^{civ}

-

Над утверждением о поддержке оппозиции рабочими поиздевался и Томский. Ну как не смеяться, – спрашивал он, – если оппозиция принимает освистывание за аплодисменты? Томский указывал, что «аплодисменты», о которых говорит оппозиция нужно понимать в переносном смысле. Оппозиция врала, что ее поддерживают, качают на руках, забрасывают цветами. На самом деле, она кое-как смогла унести от рабочих ноги.

«Можно было бы мимо этого выступления (Евдокимова) пройти. Но, товарищи, упорно ведь повторяется, несмотря, кажется, на очевидность, упорно повторяется о каком-то сочувствии рабочего класса, выраженном оппозиции в день Октябрьских торжеств. Ведь сотни тысяч видели, что это было за сочувствие, видели, как московские рабочие «аплодировали» этой оппозиции. (Смех.) ... Но каково же положение людей, которым приходится хвататься за такое «сочувствие», которое они имели в Москве и Ленинграде? Вот уж именно «сочувствие», вот уж именно своеобразная система аплодисментов. Куда, говорят, вы бежите? Мы, говорят, бежим потому, что нам сочувствуют. Зачем же вы бежите? Затем, что мы боимся, что нас будут сильно качать. А почему же в вас бросали калошами и огурцами? Потому, что роз под руками не было. (Смех, аплодисменты.) Вот своеобразное сочувствие! Не желаю вам такого сочувствия, товарищ Евдокимов! Если вам еще раз так посочувствуют, как посочувствовали в Ленинграде рабочие, — боюсь, что вам придется после такого сочувствия лечиться. (Смех.)»^{cv}

Поздравляя съезд от имени рабочих и служащих завода «Манометр» Пронин обращался к вчерашним вождям Евдокимовского типа: «И если теперь кучка зарвавшихся вождей хочет сбить рабочий класс с этого пути, хочет

-

заставить Коммунистическую партию —нашего вожака — сойти с ленинского пути, то это им не удастся, а я добавлю по-своему: «Понапрасну, Ванька, ходишь, понапрасну ноги бьешь,— ты от нас ничего не получишь, поди ты к чёртовой матери!» (Смех, аплодисменты.)»^{cvi}

Сталин развил эту тему: «Недавно, я читал заявление одного беспартийного рабочего в Москве, который вступает или уже вступил в партию. Вот как он формулирует вопрос о разногласиях между партией и оппозицией: «Раньше мы искали, в чем разногласия между партией и оппозицией. А теперь уже не найдешь, в чем они согласны с партией. (Смех, аплодисменты.) Оппозиция против партии по всем вопросам, поэтому, если бы я был сторонником оппозиции, я не вступил бы в партию». (Смех. Аплодисменты.) ...Все, что только необходимо для новой партии, все это имеется у оппозиции. Нехватает только «мелочи», нехватает силушки для этого.(Смех. Аплодисменты.)»^{cvii}

Если два съезда назад были слышны утверждения о том, что партию от оппозиции отличает лишь мелочь, как бы серьезна она ни была, то теперь большинство и меньшинство лишь мелочь связывала. Этой мелочью было партийное членство. У оппозиции было просто недостаточно сил, чтобы отделиться. Она боялась уйти из-под крыла партии.

Сырцов также считал, что попытки оппозиции остаться в партии, жалки и смешны: «Не так давно оппозиция готовила нелегальный съезд параллельно партийному. Во всяком случае, наши сибирские оппозиционеры насчет этого «трепались». Злые языки говорили о норме представительства на этот съезд: один делегат от одного оппозиционера. (Смех. Голос: «А от двух силушки

нехватает!»)^{cviii} «Хорошо вам сейчас сказать, что вы фракцию распускаете, борьбу ликвидируете, когда вы наголову разбиты, а где же вы бороться и с чем бороться будете? У вас-то и войска нет! Войска же нет!» издевался Рудзутак под смех зала.^{ciх} Ярославский заметил, что Мрачковский уехал в свои края, перешел на нелегальное положение «и заявил, что он не уедет до тех пор, пока не поставит на колени уральскую партийную организацию. (Смех. Голоса: «Многого захотел... Его поставят на колени!»)^{сх}

Непреодолимое размежевание скрыть было невозможно. Когда председательствующий передал слово тов. Каменеву, он услышал: «Голоса: Каменева в зале нет! ... Они еще не кончили совещаться. (Смех)».^{сxi} Оппозиционеров рассматривали как отдельную от партии организацию со своими собственными совещаниями.

«Товарищи, мы здесь с весьма большим интересом ожидаем выступления оппозиции» заметил Позерн из Ленинграда. «Она почему-то до сих пор не может разрешиться своей тайной. (Смех. Голос с места: «Она заседает».) Но по существу вопрос об оппозиции ведь уже решен. (Голоса: «Правильно!») По существу уже партия предрешила судьбу этой оппозиции, и мы все знаем, что троцкистской оппозиции в партии места нет и не будет. (Аплодисменты. Голоса: «Правильно!»)^{сxii}

Решив капитулировать, Каменев искал доверия. Он пытался хот как-то доказать, что ему можно верить: «В чем гарантия? Вы же не поверите моему честному слову? (Смех, голоса: «Честному слову не поверим, нет!») Следовательно, товарищи, у партии есть единственная возможность проверить

-

искренность и решительность наших заявлений, — дать нам возможность доказать это на деле. Другого способа нет. ...

Наконец, из-зала Каменеву подсказали, как он может заслужить доверие партии:

Голос. Вашу нелегальную организацию положи на стол партии.

Каменев решил сострить, прочитав фразу буквально:

Каменев. Я не ношу нелегальной организации в кармане и не могу положить ее на стол...

Однако шутку парировали. Буквализм Каменева был воспринят как попытка прикинуться дурачком. Кто-то в зале не растерялся и прочитал уже реплику самого Каменева буквально, объяснив попутно, почему нелегальной организации в кармане у него не оказалось. Раздался смех и голос: «В том-то и дело, что дома про запас оставили». ^{cxiii}

Уже во время Октября, оппозиционеры не были ленинцами. Смешила как их двойственность во время великих событий, так и попытка ее скрыть. «В самом деле, как шли тогда на восстание Каменев и Зиновьев, с одной стороны, Троцкий, с другой стороны, и Ленин с партией — с третьей стороны?» спрашивал Сталин делегатов. «Вы знаете, что Каменев и Зиновьев шли на восстание из-под палки. Ленин их погонял палочкой, угрожая исключением из партии (смех, аплодисменты), и они вынуждены были волочиться на восстание (смех, аплодисменты)». ^{cxiv} В воображении Сталина, Каменев и Зиновьев говорили Троцкому: «Вот видите, дорогой товарищ, мы оказались в конце концов правы, сказав, что не надо было идти на Октябрьское восстание, что надо было ждать Учредительного собрания и пр. ... А вы шли на восстание

-

добровольно. Вы допустили большую ошибку». Троцкий им в ответ: «Нет, дорогие коллеги, вы несправедливы ко мне. На восстание-то я шел, но как я шел, вы об этом забыли сказать. Ведь я шел на восстание не прямо, а с оговоркой. (Общий смех.)»^{cxv}

Юмор на съезде упростился, стал преимущественно издевательским. Преследуемая, корчащаяся от боли оппозиция смешила. На утверждение Раковского, что «никогда Коммунистическая партия не находилась под таким идейным обстрелом, как сегодня» Бухарин ответил: «Вы под обстрелом!» (Шум, смех.)^{cxvi} Фразу Бухарина помимо очевидных коннотаций связанных с преследованием, следует также читать как «Вы – не партия!» или «Вы уже вне партии и поэтому находитесь под обстрелом!»

«Но когда демонстрация показала воочию, за кем идет рабочий класс, когда Зиновьев чуть-чуть не попробовал, как хорошо плавать по Мойке против течения при диктатуре пролетариата (смех), лишь тогда они пришли сюда с якобы примирительными речами», язвил Рыков.^{cxvii}

Оппозиции отказывали в уме:

Раковский. Мне приписали безумную, я скажу, идиотскую мысль.

Возглас: «Признался!» Смех. Шум.)^{cxviii}

Язык оппозиционеров считался непонятным как язык животных.

Представители большинства не видели в их словах смысла, а наличие у них здравого рассудка также могло быть подвергнуто сомнению и высмеяно.

Повторяющиеся обещания прекратить фракционную работу в дальнейшем, напоминало Рудзутаку «попугая, который говорил: «ехать, так ехать», — когда кот его потащил из клетки. (Смех.)^{cxix}

Язык животных однообразен и механистичен, и таков же, в воображении цекистов, язык оппозиционеров. После выступления раскаивающегося Минина, Рындин уподобил его животному: «Передо мною выступал чрезвычайно «умный», но чрезвычайно блудливый кот. (Смех, аплодисменты.) Умный — в кавычках — надо понимать, потому что это такая «умность», которая чрезвычайно разоблачает глупые поступки оппозиционеров. Товарищ выступает и хочет показать, что он решил выправить линию XIV партийного съезда. Мне, товарищи, хочется сравнить этого товарища с очень неприятным положением червячка, который сидит на удочке и воображает, что он ловит рыбу. Так примерно надо понимать позицию т. Минина, когда он приходит реабилитировать перед партией позицию троцкистов».^{схх}

Повадки оппозиционеров были хорошо известны цекистам, например Томскому. «Тов. Каменев произнес довольно острую по существу речь очень мирным и мягким тоном. Разве вы не заметили? Что т. Каменев мастер на такие вещи и что в оппозиции существует разделение труда, это все вы знаете. Когда нужно выпустить боевую фигуру, боевого коня, — выпускают Троцкого, он гремит щитом и мечом, грива по ветру... Когда нужен мир, — выпускают Каменева. А когда нужно слезу пустить — выпускают Зиновьева. (Аплодисменты, смех.)»^{сххi}

Если у Томского, вождь оппозиции был боевым конем, то у Рудзутака Троцкий был то конь, то наездник. Этот оппозиционный кентавр был сумасбродным, насилующим, и бессмысленным. Укрощать его партия также пыталась по-разному.

-

Однако речь свою Рудзутак началась с сравнения Троцкого с перевернутым Прометеем. Если печень античного героя заживала для того, чтобы он мог страдать за все человечество, то в случае Троцкого регенерация помогает ему строить все новые и новые козни: «Товарищи, на XIII партийном съезде Троцкий предстал перед съездом с повинной головой. ... Товарищи, у троцкизма тогда была только отбита печёнка (смех), но он надеялся еще жить, буйствовать в нашей партии, надеялся, что эта печёнка прирастет, и троцкизм по-прежнему будет активным, будет, как и до сих пор, выступать против нашей партии. На XIV съезде он молчал. ... Его, так сказать, предчувствия, стремления, желания в известной мере оправдались: новая оппозиция перешла к Троцкому, причем Троцкий не сделал никаких уступок, а уступки были сделаны новой оппозицией именно Троцкому, и Троцкий сел на новую оппозицию, которая, как вор из-за угла, хотела вонзить нож в спину партии. Троцкий на эту оппозицию сел, оседлал ее и, как конь, вырвавшийся из конюшни, начал бегать по большевистскому табуну и ну лягать и кусать. А за ним и выводок его. (Смех.) Тут, товарищи, пришлось уж народом загонять, пришлось пытаться загнать обратно в конюшню». ^{сххii}

Наконец Рудзутак, в своем полном юмора выступлении, уже сравнивал оппозиционеров не с целым животным, а с частичным объектом, с хвостом. Как и любой хвост, он скрывал зловонное отверстие: «Я думаю, что мы тут можем напомнить вам слова одного из бывших дорогих вождей, т. Каменева, на XI московской губернской партийной конференции, когда он говорил о троцкистской оппозиции. Когда были предложения некоторых о том, что нужно с ними заключить перемирие и союз, он тогда обрисовал эту оппозицию в виде

разноцветного пушистого хвоста и делал такой вывод: «если мы, говорит, обнимемся с этим хвостом, то, пожалуй, поцелуй выйдет не аппетитный». Поэтому, не поступить ли нам так, как нам советовали всегда: сначала этот пушистый хвост отрубить, а потом целоваться». Однако рецепт самого Каменева в ситуации 1927-го года был недостаточен. Источник экскрементов должен был быть окончательно вычищен из партии.

«Я думаю, что насчет целования хвостов у т. Каменева сейчас имеется опыт большой. (Аплодисменты, смех.) Я думаю, что за эти два года его поцелуи попадали иногда не только в хвост, но и под хвост. (Аплодисменты.) Но я думаю, что мы все-таки в данном случае поступим не совсем по Каменеву; я думаю, что хвост-то мы отрубим, а целоваться с ним не будем.

(Продолжительные аплодисменты.)»^{сxxiii} Знакомый нам уже силлогизм: оппозиция – это говно (или говно извергающий орган), – вызывал смех. Предвкушения насилия над оппозицией тоже.

Некоторая амбивалентность в отношении языка оппозиции сохранялась. Томский боялся слов оппонентов: «Мы не ведем борьбы против сновидений и невысказанных убеждений (смех), но когда убеждения претворяются в жизнь, начинают высказываться, начинают пропагандироваться, вноситься в нашу партию, когда идет борьба за убеждения, тогда мы вправе подвести итог этим убеждениям».^{сxxiv} А вот Сталин оппозицию всерьез не принимал. «О речах тт. Евдокимова и Муралова ... можно было бы сказать лишь одно: да простит им аллах прегрешения их, ибо они сами не ведают, о чем болтают. (Смех, аплодисменты.)»^{сxxv}

-

Какую-то дистанцию языка по отношению к действительности еще признавали. Каталог оппозиционных душ воспринимался метафорически. «А вы бы пришли» говорил Рудзутак оппозиционерам, «и сказали: вот мы, наш центральный комитет, в лице таких-то и таких-то, распускаем, наши областные комитеты, в лице таких-то и таких-то, распускаем; вот наши еще не обнаруженные типографии там-то и там-то ликвидировали и передаем соответствующим советским органам для использования. (Голос: «В архив!» Смех.)»^{сxxvi} Об оппозиции хотели забыть как о страшном сне или о далеком прошлом, не имеющим отношения к советской современности.

Суд над оппозицией был тоже метафорой. «Тов. Каменев», заявил Рыков, «мы вас привлекаем к ответственности за все ваши поступки по совокупности. (Смех, аплодисменты.)»^{сxxvii} Да и смертный приговор тоже был не более чем фигурой речи.

«Съезду следует одобрить линию ЦКК на исключение, – считал Украинский делегат, Затонский, – «и на этом поставить точку. Почтим вставанием память вождей оппозиции (смех) ...».^{сxxviii} Ничего из этого не читалось буквально, – отсюда хохот после каждой из этих реплик.

XXXXXXXXXX – МОЖНО ВОЗОБНОВИТЬ ЧТЕНИЕ ОТСЮДА

Даже когда обвинения стали более существенными, тон оставался игривым. Успокаивало выступающих понимание, что слова это одно, а действия другое – материал многих шуток 20-х годов.^{сxxix} Часто, те же товарищи смеялись острогам

-

оппозиционеров в один момент, островам сторонников ЦК в другой. Трещавшее по швам тут и там, большевистское братство еще, кое-как держалось. Но инструментализация юмора как реального, почти физически колющего и отрезающего несогласных от тела партии оружия в борьбе, к моменту дискуссии с оппозицией сделала еще один шаг в сторону овеществления метафор.

Взглянем на стенограмму общего собрания Комвуза от 25 октября 1927 года – она пронизана юмором; партийные баталии в Ленинграде все еще сопровождались смешками. Хотя споры предшествующие драконовские резолюциями XV съезда против оппозиции были как некогда жестокими, юмор редко был уничтожающим: сарказм, пожалуй, преобладал, но есть еще какие-то остатки мягкой иронии. Постараемся абстрагироваться от существа дебатов – аргументы сторон уже были детально разобраны ранее. Тон выступающих хорошо просматривается, а реакция слушателей передает атмосферу, в первую очередь само отношение к слову.

Началось с того, что Нелогов назвал политику партии, чередой оппортунистических шатаний». В зале прозвучал шум, крики, «Долой!» Сторонник ЦК, тов. Троицкий утверждал, что партия не говорильня: «Попытка до срока втянуть партию в дискуссию – оппозиции не пройдет». Витковский жаловался, в ответ, на зажим демократии: «кого Райком хотел, того и провел. Это издевательство». Ударение Витковский ставил на язык, и вокруг языка шел главный спор. «Ни одного собрания не прошло, без клейма на оппозицию – утверждал Витковский. Возьмите платформу оппозиции, почему партийные массы не могут в ней разобраться».

-- Голоса: так хорошо написана. (Смех).

Платформа не могла быть понята и усвоена потому, что оппозиция просто не была способна представить свою позицию ясно. Таким образом, смех указывал на фразерство и словоблудие, как главный признак оппозиционной риторики.

Сторонники ЦК прерывали выступающего и, толкуя его буквально, симулировали непонимание смысла его слов.

-- Вот возьмите выступление тов. Троцкого. Смех.

Голоса: помешался на Троцком. ... идет усиленное отсечение оппозиционеров.

Витковский -- Вы за партию не решаете.

Голоса: «А вы разве партия».

Тут смех использовался уже как способ «отсечения».

Цекист, тов. Ерофеев, говорил об оппозиции шутливо: «Мне думается, что в связи с деятельностью оппозиции у некоторых мозги на бок ворочаться. Кто хочет передёргивать, что мы каждого критикующего относим к оппозиции – это чепуха».

Говорящий считал язык оппозиции нелепым, почти бестолковым и именно это делало Витковского нелепым в его глазах.

В глазах Митяева тоже оппозиция была, прежде всего, помехой, а не источником настоящей опасности. Он обозвал ее «шпаной» и заслужил хохот аудитории.

Оппозиционеры не лезли за словом в карман. «По долгу своего положения (в меньшинстве), я был должен ответить Митяеву, но у меня нет измерительного [прибора] для его мозгов» -- сострил тов. Огнев. С одной стороны, Огнев указывал на неспособность найти взаимопонимание, а с другой стороны, пытался подчеркнуть принципиальную невозможность измерить работу головы каждого участника дискуссии. Никто не обладал истиной в ее полноте, признавалась открытость

интерпретаций. «Мы работу райкома правильной не признаем – продолжал Огнев. Райком не разрешил задач партии. Он держал организацию под чугунной крышкой Сталинского режима».

Голоса: хочешь Троцкого. Шум. Смех.

Как тут было не смеяться -- оппозиция вырисовывалась не как принципиальная политическая позиция, а как вопрос личных желаний. Высмеивались индивидуальные предпочтения, как будто политика – предмет потребления.

«Линия большинства нашей партии отступила – настаивал на своем Огнев -- «8 ноября, месяца, необходимо проработать все вопросы». Тут в стенограмме стоит, «рукоплескание оппозиционеров» и «смех».

«Наши оппозиционеры видят в нас ... баранов», отвечал тов. Калашников. «Да ведь это издевательство, товарищи» комментировал он, и обратился, на прямую, к Нелогову: «Если ты носишь марксистскую прическу, а мозги бараньи». Стенограмма опять фиксирует смех, но не совсем понятно смеются ли с Калашниковым или над ним.^{сxxx} «На счет того -- Продолжал Калашников -- что оппозиционеры называли себя большевиками-ленинцами, «так я то, по-твоему, кто? Не ленинец».

Аплодисменты. Слова лестные для Троцкого – вредны для партии. «Наши мелкоместные оппозиционеры (смех) доказали сегодня всю свою несостоятельность» (аплодисменты). Принятая резолюция обвиняла оппозицию в словоблудии: «Своей практикой оппозиционеры опровергают свои собственные заявления, обнаруживая свои лицемерные попытки обмануть всю партию. В «геройских» позах оппозиционных вождей нет ничего кроме мелкобуржуазной распущенности и барского анархизма.^{сxxxі}

Обмены реплик включают немало глумлений и едких издевок – но ни одна издевка не казалась смертельной. Оппоненты насмехались друг над другом. В условиях нешуточной схватки юмор использовался как оружие не только сторонниками большинства ЦК но и оппозицией.

Даже при допросах оппозиционеров в контрольных комиссиях, юмор мог быть оружием сопротивления. Возьмем пример из Москвы, принадлежащий Дине Константиновне Знаменской допрашиваемой в 1927 году. Ученица рабфака и жена оппозиционера Х. Певзнера, Знаменская смеялась в лицо своему следователю, некому Морозу, во время допроса 25 октября. Знаменская строила из себя дурочку, высмеивая создавшуюся в кабинете иерархию. Хоть Мороз и был следователем, а она подследственной, ей казалось, что она сознательней и лучше владеет ситуацией.

«Мороз: Знаменская, Дина Константиновна, служащая, член Комсомола с 1921 года, в настоящее время безработная?

Знаменская – Да, да, да».

Для допрашиваемой оглашенные биографические данные были пустой формальностью, и то, как она на них отреагировала уже было призвано показать, что следователя она всерьез не воспринимала.

«Мороз: а вы вот, скажите, пожалуйста, у вас был обыск на квартире. Что у вас там забрали?

Знаменская – Вы наверно лучше меня знаете.

Мороз: Откуда же мне знать?

Знаменская – Была часть платформы.

Мороз: какой платформы?

Знаменская – оппозиционной, какой (смеется)»

Для Знаменской допрос с самого начала был пустой постановкой, комедией, которую ломал следователь. Она знала, что он знает, что нашли у нее в квартире, и серьезный тон следователя звучал так, как будто он косит под дурачка. Все это не могло не вызвать у допрашиваемой насмешки.

Мороз: Платформ много есть, «83», «15», ежели вообще разбираетесь, вы должны знать?

Знаменская – Платформа была одна. То заявления, а то платформа. ...

Мороз: часть платформы, а еще что?

Знаменская – потом не помню. Не знаю, простите (смеется).

Показав следователю, что она в курсе всех нюансов различных оппозиционных документов, Знаменская со смехом -- смеялась на допросе только она -- внезапно заявила, что об остальном она не помнит. Ей доставляло удовольствие, что Морозу придется выпрашивать у нее другие подробности. Она не хотела упрощать ему работу и наслаждалась игрой. Знаменская придуривалась, тем самым поддевая следователя. После приведенного выше обмена репликами, Знаменская вообще решила притвориться, что она ни причем, и в кабинете следователя оказалась по недоразумению:

«Мороз: скажите, пожалуйста, каково ваше участие во всей этой фракционной работе?»

Знаменская -- ... я ничего не знаю. Не ко мне после попала часть платформы, а к моему мужу. Я совершенно в этом не участвовала, абсолютно. Вы что думаете. Честное слово.

Мороз: ... вот они (Щербаков, Лансере – сообщники по оппозиции) показывают, что жена Певзнера-Знаменская, под кличкой Дина ...

Знаменская – У меня никогда клички не было и я их не знаю.

Мороз: вы работали в Вишняковском переулке по размножению материалов.

Знаменская -- ничего этого не знаю.

Мороз: Может это другая жена?

Знаменская – может быть другая (смеется)

Мороз: другая жена, другая Знаменская?^{сxxxii}

Знаменская отрицала очевидное, используя облюбованный оппозиционерами риторический ход, «я не я, и лошадь не моя». Мороз пытался из-за всех сил стабилизировать значения, она пряталась за словами, играла неопределённостью отношения слов к действительности. Кто знает, может в оппозиции была другая жена Певзнера? Может у нее была такая же фамилия? Дистанция субъекта и описания его действий была освоена оппозиционерами. Привязать имя субъекта к подрывной деятельности против партии – было задачей следователя. А пока это не было сделано, можно было вдоволь посмеяться над нелепостью его попыток.

Со временем, двузначность будет изгнана из повседневной речи. Чем ближе бесклассовое общество, тем точнее становился язык большевиков. Интерпретации фиксировались и определялись сверху, вольные толкования воспрещались.^{сxxxiii} Стенограммы дебатов большевиков на самых разных уровнях позволяют следить за этапами этого непрямолинейного, но поступательного процесса.

Первый пример происходит из Ленинграда января 1926 года. Зиновьевец, тов. Орлов, всячески преследовал сторонника ЦК, тов. Туровского. Вызванный на объяснение Ленинградской контрольной комиссией, он ни как не мог определиться, нужно ли было понимать его угрозы всерьез. «Что касается сказанной фразы «ломать

руки и ноги»» то я ее действительно говорил, -- признался Орлов -- но говорил это, во-первых фигурально, а во вторых, нам коллектив доверил вести работу мы ее ведем, а всем тем кто будет ее разрушать, действительно, нужно поломать руки и ноги». ^{сxxxiv} С одной стороны говорящий настаивает на фигуральности сказанного, но с другой стороны, с санкции коллектива и в случае необходимости он готов эту фигуру осуществить в реальности. Цитата указывает на потенциал любой фигуры в большевистском контексте к осуществлению, если она будет поддержана авторитетом коллектива. Как мы увидим дальше, санкция на осуществление подобных фигур будет дана. Неопределенности в трактовках будут сняты.

Когда Ленинградского комвузовца, тов. Рожаква, уличили в троцкизме в 1929 году, он не на шутку оскорбился. Но вопрос явно не был в жизни и смерти. Обсуждая свои политические пристрастия, Рожаква работал с языком, задавался вопросом, какие термины применимы к нему, а какие нет. Отношение прозвища «троцкист» к его персоне было вопросом открытым. Рожаква сам толковал своё отношение к «троцкизму», занимался самогерменевтикой.

18 Апреля 1929 года, Рожаква, писал в партком:

Дорогие товарищи! Из Красной Армии, я унаследовал кроме всего прочего – глубочайшую симпатию к Троцкому, не говоря уже о Ленине. Когда я стал разбираться в известной мере в политике – это имело место лишь в комвузе – то личная симпатия, под действием дискуссии 1927 года, перешла в сочувствие Троцкизму по двум вопросам: сверхиндустриализация и демократия. Повторяю, я только сочувствовал, а не разделял. От этого сочувствия (я) отмежевался, в

окончательной форме, в летние каникулы, будучи на практической работе. Троцкизм никогда не являлся моей идеологией, и не является, поэтому я никогда его не защищал и не буду.

«Однако -- и в этом была суть проблемы -- возникло обвинение меня в Троцкизме. История этого обвинения вам известна, но я её напомним. Выступая по вопросу партдискуссии, 20-21 гг., я излагал взгляды на роль профсоюзов, основных групп участвовавших в дискуссии. Троцкизма я тогда не защищал, наоборот осуждал». Но после Рожакон выступил т. Березин, который обвинил его именно в «троцкизме». «Может быть, Березин был прав, может быть я какую ни будь фразу неправильно истолковал, но ведь это ошибка, а не троцкизм».

Интересно, что в это время роль троцкиста можно было примирять на себя, играть ею. Рожакон даже использовал провокацию. «Я помню, выступал на первом семестре в «защиту» Троцкизма периода 1905 года. Это выступление было мной проделано для того чтобы лучше расширять троцкизм, чтобы больше не было споров. Так и вышло, тогда было много споров». Но в конечном итоге, Рожакон просчитался. «С тех пор меня стали в шутку называть Троцкистом, чего я вовсе не желал, так как не являюсь Троцкистом». В какой-то момент, стало понятно, что шутки шутками, но может быть «незаслуженный исход. Теперь он налицо: произошло это так: после выступления Березина я подал заявление об откомандировании меня из ВУЗа ввиду усталости. Президиум вызвал меня, и справедливо поинтересовался настоящими причинами вызвавшими такое заявление. Я объяснил, что надоел мне ярлык Троцкизма. Президиум возвратил мне заявление и отметил моё сочувствие Троцкизму в прошлом». Когда же постановление о том, что Рожакон троцкист, было

вынесено на партсобрание, третировавший его Березкин внес предложение:

«Отложить вопрос до выяснения принадлежности Рожаква ке троцкизму».

«Разозлённый таким предложением я взял слово и начал говорить на себя. В результате моего выступления, вопрос действительно откладывается, согласно предложению Березина. Тем самым, мне причиняется еще больше моральных переживаний, меня все сторонятся по причинам для Вас вполне понятным».

Обстоятельно обсуждая свою политическую эволюцию, Рожаква утверждал, что ярлык троцкизма был к нему не применим. Однако дело было не в политической позиции Рожаква, а в присущей слову «троцкист» семантической нагрузке и, одновременно, в использовании этого слова, как имени нарицательного, клички, которую уже было не так просто отделить от ее носителя.

От сочувствия троцкизму, как уже было указано, я давным давно отмежевался, т.е. изжил это сочувствие. ... Я глубоко симпатизировал Троцкому как личности, как вождю Красной Армии, но контрреволюционные действия Троцкого все больше и больше изживал симпатии к нему, а выступление Троцкого с клеветой на СССР в «Дейли Экспресс» эти симпатии к Троцкому окончательно убила. Троцкизм считаю контрреволюционной идеологией, а отсюда ясно, что борьба с ним не должна прекращаться. Я никогда не был троцкистом. Из одного сочувствия нельзя называть людей Троцкистами и меня в частности. (Я) не являюсь троцкистом, и не буду им, так как теория троцкизма противна рабочему классу, а сам Троцкий предатель интересов рабочего класса».

Президиума 4 парткружка обсудил, 13 Апреля, заявление Рыжакова и просьбу последнего «чтобы его больше не третировали». Рыжакову было предложено «заявить открыто на собрании кружка о том, что он больше не сочувствует Троцкому и порывает с этой идеологией». Одновременно внимание членов кружка обращалось на «необходимость изжить моменты высмеивания». Товарищи «навешивающие ярлыки» получили партвзыскания.

Заявление Рожаква показывает, что к началу 1930-х кличка или имя уже наделялось способностью изменять личность того, на кого оно его приклеивали. Прозвище, данное Рожакву однокурсниками, стало поводом для разбирательства внутри ячейки. Однако публичное отречение Рожаква еще было способно отменить последствия его именованья «троцкистом». Более того, партия запретила приклеивать ярлык не соответствующий внутренней сущности Рыжакова. Ни кто не предлагал его вычищать. «Троцкизм» воспринимался как обидный политический ярлык, но никто не считал, что оспаривать его нельзя.

Письмо И.В. Сталина, «О некоторых вопросах истории большевизма» в редакцию журнала “Пролетарская Революция” (конец 1931 года) справедливо считается вехой в демонизации троцкизма.^{сxxxv} Но интересно, что в этой статье Сталин особенно отчетливо проговорил разницу между словами и делами присущую первым пятилеткам. «Кто же, кроме безнадежных бюрократов, может полагаться на одни лишь бумажные документы? – писал генеральный секретарь. Кто же, кроме архивных крыс, не понимает, что партии и лидеров надо проверять по их делам, прежде всего, а не только по их декларациям? История знает немало социалистов, которые с готовностью подписывали любые революционные резолюции, чтобы

отписаться от назойливых критиков. Но это еще не значит, что они проводили в жизнь эти резолюции». ^{сxxxvi}

Собрание комвузовской общеаспирантской ячейки ВКП(б) от 14 Декабря 1931 года, нашло что Сталинское письмо остро ставит вопрос о враждебных марксизму-ленинизму теориям».

Критиковались не только сами теории, но и «либеральное отношение к ним», иными словами, ставился вопрос касательно языка, требовалась «непримиримость». ^{сxxxvii} В комвузе разгорелся спор, насколько четко нужно коммунисту высказываться. На собрании института аспирантуры, 22 Января 1932 года, Тыманюк М. И., член ВКП(б) с Октября 1919, выступил язвительно: «я грешный человек ожидал что докладчик (Облпроса) скажет не только о том как они в право и в лево болтались, об этом всегда говорят безотносительно. ... Общие фразы можно говорить, начиная с пионерского собрания и кончая Коминтерновскими конгрессами». Позже он извинялся: «Я мыслил так: общие марксистские-ленинские положения ... можно и нужно проговаривать на каждом собрании, но кроме того ... нужно говорить еще и о том как в данных конкретных условиях эти общие положения осуществлялись. ... Такова мысль, ... но объективно брошенная мною фраза является антипартийной, тактически вредной, и контрольная комиссия совершенно справедливо квалифицировала ее как «граничащую с троцкистской клеветой на партию и Коминтерн». ^{сxxxviii} Осуждался и Пантюхин, лексические размышления, которого считалось еще одним «из звеньев, в общей цепи Троцкистских вылазок». По мнению Пантюхина, «члены партии стоящие по основным вопросам внутрипартийных разногласий 1926-27 на позиции Троцкого, но не участвующие во фракционной борьбе, Троцкистами называться не могут». Такая

лексическая позиция как раз и заслуживала эпитет «гнилой либерализм». Чем иначе было назвать такие заявления как: «Старые ошибки Пантюхина нельзя связывать с его теперешней однобокой критикой недостатков и квалифицировать эту критику как критику с Троцкистских позиций? Чем иначе можно назвать и такие возгласы со стороны отдельных товарищей, как, например, Тыманюка, «а скажите, что это значит критика с Троцкистских позиций?»»^{сxxxix}

На заседание общего партсобрания Комвуза, 4 Января 1932 года, официально входил в силу новый язык описания. «Письмо т. Сталина – тренировался Преде -- лишний раз показывает что все организации должны .. мобилизовать себя на борьбу против антипартийных шатаний, троцкистской контрабанды, и гнилого либерализма! ... (Мы) разоблачили Пантюхина, проявившего Троцкистский рецидив, Тыманюка, позволив(шего) клеветать на партию и Коминтерн. Здесь Федченко, Усачев, и другие, позволили клеветать на руководство комвуза». «Нельзя во всем видеть недостатки и прорывы» говорил Преде. Так как в центре его внимания соотношение слов и настоящего положения вещей, в стенограмме обилие кавычек: «Аргументы выставляются, что у нас в Комвузе «деградация» преподавательского состава. Это троцкистская «теория» снижения теоретического уровня нашей партии. Мы вытряхиваем троцкистов-контрабандистов и замещаем их нашими молодыми преподавателями, идейно выдержанными большевиками».

Кавычки здесь определяли зазор между мыслью и реальным положением вещей, но зазор этот переосмысливался как различие между истиной и ложью, где в отличие от настоящей марксистской теории существовала троцкистская «теория», а в отличие от здоровой оживленной работы в реальности университетской жизни, существовала мнимая «деградация», которую видели троцкисты. Ложь, в

соответствии с этой позиции, становилась фундаментальным свойством троцкистской оптики. Поляризация языка нарастала.

Кольцов из парткома предлагал осудить выступление Усачева как явный левацкий заскок. «Усачев, безответственно и без всяких доказательств, говорил, что партком потерял большевистскую бдительность, что руководство не авторитетно». Сторонники демократов шумели в зале, «это зажим самокритики». ^{сх1}

На заседании бюро парткома, 16 Января 1932, Федченко утверждал, что конференции партийной организации университета проходили «по троцкистски, ... что вся работа парткома университета Троцкистская». Он назвал Изака, «троцкист-контрабандист», протасивший ложную теорию экономических формаций и протестовал, что ошибки Синявского в определении НЭПа не были отмечены в характеристике последнего. Возражение не заставило себя ждать: «Федченко выступил как ярый Троцкист, его выступления имели определенную систему, мы его своевременно не раскусили». Призыв Федченко к смене руководства был назван Кольцовым «троцкистской вылазкой».

Так кто же были «троцкисты», оторванные от масс руководители вуза, или их зарвавшиеся критики? Федченко отклонял ярлык «троцкиста», особенно сейчас, после Сталинского письма. «Я троцкистом не был и не стану». «Федченко не только Троцкист, но зарвавшийся троцкист», осадил его Баранов. «У нас в университете еще есть Троцкистские остатки, надо их выкорчевывать». Федченко был из рядов ВКП(б) исключен.

Заручившись поддержкой райкома, руководство выдержало натиск и теперь экстремисты просили пощады. Признавая, что кое-кто из его товарищей переборщил, Угаров утверждал, что «люди не поняли как нужно себя вести,

-

руководство не совсем поняло, как нужно держаться и как нужно вести себя, это вызвало такой момент, что ряд товарищей выступавших с критикой руководства ... допустили некоторую антипартийность». Извинения Угарова на пленуме партийного комитета комвуза, 9 Марта 1932, частично приведенные внизу, передают воззрения современников на то, какой язык надо воспринимать всерьез, а какой считать полушутливым:

Угаров: ... товарищи выступают с огульной критикой всего руководства и потому эти выступления были неправильны. .. Нужно было сказать что в этом то ты, товарищ, неправ, допустил неправильную меньшевистскую критику, а в том то ты прав, нужно было эту горячность и страстность Большевиков направить на критику наших ошибок. Как выступают руководящие товарищи? Они идут по линии наименьшего сопротивления, они говорят: «раз ты критикуешь руководство, значит ты Троцкист». Не годится это дело (Смех).

Несмотря на то, что троцкизм и все с ним связанное, приобрело в 1932 году стабильную коннотацию лжи или искажения, вопрос о наличии различных трактовок не был разрешен даже сейчас. Помимо абсолютно верной большевистской критики и, абсолютно ложной, троцкистской, еще существовала возможность «неправильной меньшевистской» критики, не являющейся при этом троцкистской. По сути, в своем выступлении Угаров высмеивал манихейские тенденции в языке 1930-х гг.

Никто не предполагал, что за бытовую критику парткома можно кого-либо посчитать всерьез за троцкиста. Угаров продолжал:

Зачем это нужно? Никакого Троцкизма в том, что люди критикуют руководство нет, расценивать так не рекомендуется. ... Тут недалеко и от бюрократической формулы: «ты меня критикуешь, а я поставлен Коммунистической партией, ты критикуешь компартию и её генеральную линию, и так далее (Смех).

Интересным образом, защитник использовал юмор в свою пользу. По ходу своих извинений, он мобилизовал демократические настроения, вызывал симпатизирующую реакцию – смех – которая, к 1936 году, когда эти протоколы будут перечитываться, будет засчитана как выражения троцкистских симпатий.

Окрылённый поддержкой аудитории, Угаров 1932 года нагнетал:

Людей ославили Троцкистами ... за одно выступление. После того как т. Сталин сказал что Троцкизм стал основным отрядом контрреволюционной буржуазии это название требует чтобы людей немедленно выбросили из Комвуза, выбросили из рядов нашей партии, и это наказание еще не всё, мы обязаны к ним применить целый ряд мер воздействия со стороны органов нашей пролетарской диктатуры (смех). Если мы говорим такие вещи, то нужно делать соответствующие выводы. Очень часто швыряют политическими обвинениями и тем самым наносят большой вред. Нет основания, чтобы расценивать таких людей, как Троцкистов, этого не нужно

было делать. Но раз людей обвинили в Троцкизме сделали следующий вывод – открыли Троцкистскую группу в университете, нашли четырех человек, почти группа, ну если не группа то группочка, давай мобилизовать весь Комвуз на борьбу с открытым «Троцкистским гнездом» и «пошла писать губерния». Заострено внимание, вынесена резолюция и так далее. Нужно это было? Ненужно. Нужно было использовать это собрание, чтобы мобилизовать студентов на скорейшее устранение недостатков, нужно было разграничить ... указать, что правильно в этой критике, а что неправильно, а всё дело было по существу сведено на этих Троцкистов.^{cxli}

Стенограмма опять фиксировала смех в зале. Угаров отсылал к известному зазору между словами и делами: раз, за разом, вызывая смех в аудитории, он как бы отмечал, что «троцкизм» функционирует как модное словечко. Так-как, далеко не ко всем «троцкистами» относились как к контрреволюционерам, комвузовцы явно не присваивали последовательно злостное толкование этому термину. Называть Угарова троцкистом значило дразнить его, а не угрожать ему.

В ближайшие годы, риторика сталинского письма реализует себя: «троцкизм» обретет сугубо уничтожающее значение и студенты, охарактеризованные таким образом, будут исключены из партии, арестованы и расстреляны. С опубликованием Сталинской конституции, и ожиданием абсолютной сознательности, язык стал все более и более буквальным. Поиск внутреннего врага соответственно интенсифицировался – охота на ведьм это семиотический, а не психологический факт, состояние языка, а не ума.^{cxlii}

Письмо ЦК от 29 июля 1936 года высвечивало овеществление языка, реализацию метафор, переход от слов к делу. Наконец, в ЦК поняли, что речь в

отношении опальный вождей оппозиции, должна идти не о намерениях, а о поступках. Злостные намерения Каменева и Зиновьева реализовались. То, что когда-то казалось словами, общими фразами, надо было понимать буквально.

Опрашиваемый 19 марта 1935 года по вопросам о заговоре в Кремле Г.Е. Зиновьев показал: "У меня с Каменевым разговоры об устранении Сталина имели место, но мы при этом исходили только из намерений замены его на посту Генерального секретаря ЦК ВКП(б)... Заявлений Каменева о необходимости применения теракта как средства борьбы с руководством ВКП(б) я не слышал. Не исключено, что допускавшиеся им... злобные высказывания и проявление ненависти по адресу Сталина могли быть использованы в прямых контрреволюционных целях» Самоцензура была важной, но не как результат подавления, а как осознание того, что эффект сказанного абсолютно не предсказуем. Так как невозможно было знать заранее, что из сказанного может сбыться, контроль над речью становился особенно важным.

На основании таких заверений, письмо ЦК от 18 января 1935, проявило прискорбную наивность. В старом письме сообщалось, что злодейское убийство Сергея Мироновича Кирова было совершено "ленинградским центром", но «Зиновьев и Каменев признали свою вину только в разжигании террористических настроений, заявив, что они несут за убийство С.М. Кирова лишь моральную и политическую ответственность. Однако, -- провозглашало новое письмо ЦК -- на основе новых материалов НКВД, полученных в 1936 году, можно считать установленным, что Зиновьев и Каменев были не только вдохновителями террористической деятельности против вождей нашей партии и правительства, но и авторами прямых указаний как об убийстве С.М. Кирова, так и готовившихся

покушениях на других руководителей нашей партии, и в первую очередь на т. Сталина».^{cxliii}

Если в 1920-е годы, принципиальным был зазор между фигуральным и буквальным толкованием сказанного, то с установлением истины языка, его материальности, зазор перемещается на уровень причин и эффектов. Перформативный эффект языка становится первичным. Если прежде язык воспринимался, как вертикальная структура, где означаемое является базисом, а означающее надстройкой, и ставилась проблема их соответствия, то с победой социализма язык стал горизонтальной структурой с главной проблемой прямого, чуть ли не сиюминутного, отношения между причиной и следствием ею вызываемого. Слова вождей контрреволюции немедленно претворялись в жизнь, на их основании действовали. На самом деле, оппозиционеры не размышляли о том, как понимать злобные замечания Каменева и Зиновьева в отношении Кирова и Сталина. Они брали их за руководство к действию. Обуреваемые контрреволюционными страстями, обозленные более других, Троцкисты были первые из тех, кто требовал немедленно переходить к действиям. На вопрос следователя: знал ли он о решении центра убить товарища Сталина и С.М. Кирова Каменев признавался, что от Троцкого поступила «прямая директива» по поводу террора. Мрачковский, Тер-Ваганян и другие приспешники Троцкого в СССР требовали «практического перехода к этому мероприятию в осуществление тех начал, которые были положены в основу блока» – намерения должны были немедленно осуществляться. (Каменев. Протокол допроса от 23-24 июля 1936 г.)

Если в версии 1935 года, призыв оппозиционеров «сменить руководство» понимался как политический лозунг, то год спустя, тот же призыв читался

буквально. Если раньше, Зиновьев предстал перед партией как слабохарактерный говорун и нытик, теперь он цельный и решительный – человек дела. «Троцкисты и зиновьевцы – гласило прозревшее письмо ЦК 1936 года -- развивают интенсивную деятельность по организации покушения на Кирова. В июне 1934 года Каменев специально выехал в Ленинград для проверки подготовленности организации террористического акта над товарищем Кировым». Зиновьев также всячески «форсирует» убийство, упрекая участников террористических групп в «медлительности и нерешительности» -- т.е., в соблюдении некоторого зазора между умыслами и их реализацией.

Одновременно, воззвание к «смене руководства» читалось и как личная угроза. Если политика предполагала отстраненный разговор о базовых принципах устройства общества, то в середине 1930-х переход на личность становится способом непосредственного разрешения политических проблем.

В 1936-38 годах, партия вложила огромное усилие в завершение борьбы за будущее. Считалось, что бесклассовое общество стало, наконец, реальностью. История подошла к концу – Краткий Курс Истории ВКП(б) должен был быть окончательной версией истории. При столь мощнейшей эсхатологической предпосылке, значение слов фиксировалось раз и на всегда, и они обретали статус реальности. Конечно, миллениарные ожидания такого рода не могли не провоцировать тревогу – язык не может на самом деле застыть и обособиться сам в себе. Сколько не трубили партийные пропагандисты о «единстве слова и дела», разрыв между речью и жизнью не только продолжал преследовать страну советов, но и набирал в оборотах, достигнув небывалой интенсивности к времени Первого Московского процесса.

Язык Большой чистки был постапокалиптическим.^{cxliv} Человечество прошло через горнило последнего суда. Абсолютная истина была самоочевидна.^{cxlv} Такое ощущение истории привело к очищению языка от иронии, зависящей от игры слов. Их заменил другой сорт юмора, юмор, связанный с насмешкой и издевательством. Популярность сатиристических журналов типа Крокодила в 1930-е годы, где регулярно высмеивались аппаратчики, говорит о том, что юмор и миллениаризм не всегда находятся в противоречии.

Опасаясь, что любители двумыслов станут двурушниками, руководители Комвуза официально запретили, в 1936 году, шутить. Студентам воспрещалось рассказывать контрреволюционные анекдоты.^{cxlvi} «Классовый враг не будет сейчас открыто высказывать своих мнений, он преподносит это под некоторым соусом шутки, анекдота».^{cxlvii} Те, кто не внимал этим предостережениям, платил высокой ценой: Зайцев А. Н. (в партии с 1922 года), был исключен за то, что «в общезнании рассказал контрреволюционный анекдот направленный против тов. Сталина»^{cxlviii}; а Давиденко получил выговор за утверждения, что особисты провоцируют население через контрреволюционные анекдоты. 10 ноября 1937 год студентка комвуза, Цыкина, идя в колонне на демонстрацию, рассказала анекдот, расцененный, «по существу», как «троцкистская клевета на партию». Несмотря на уверения, «что сказанные ею слова вырвались у нее как-то механически», и мнения товарищей, «что этот анекдот она выпустила не сознательно» и во всем виновата ее «политическая неграмотность», ее исключили из партии.^{cxlix}

Такое упрощение смысловой структуры языка, было прямым последствием верования, что теперь, с построением бесклассового общества, зазор между означающим и означаемым, ушел в прошлое. Слом разграничения между

означающим и означаемым убедил современников в том, что поименовать – значит вызвать к жизни. С. С. Петров из экономического отделения ИКП, были привлечен к ответственности за то, что еще в 1931 году, выступая в Институте Гражданского Воздушного Флота «неправильно изобразил мысль о деньгах, назвав их «условными знаками». К 1937 году, Петров осознал, что условных знаков быть не может.^{cl}

Мысль и действие, наконец, срослись воедино. В 1935 комвузовцы обязались «ликвидировать расхождение между словом и делом».^{cli} Через год-два, «единство слова и дела» стало важнейшей характеристикой эпохи.^{clii} Принципиальные различия, структурирующие отношения большевиков между собой в прошлом, утратили свое значение: прошлое воссоединилось с будущим, «я» вошло в коллективное «мы».

Во время больших чисток, партия вкладывала огромные усилия в обеспечении «однозначности». Слова обрели один единственный смысл, на «двусмысленность» объявили войну.^{cliii} Выступающий должен был выдержать сложный экзамен: от него требовалось устраниваться из своей-же речи, перестать создавать новые смыслы. Коммунист утратил способность интерпретировать, гибкость в суждениях. Погружая себя без остатка в официальный культурный текст, он должен был не только не производить, но даже не признавать возможность поливалентности. Партийная догма нельзя было толковать, ее можно было только повторять.

Когда слово и дело срослись воедино, все, что, кто либо, говорил, воспринималось буквально. Тремя годами раньше, Рыков мог еще говорить об ошибочности «буквальных толкований»; к 1936 году, небуквальное толкование криминализировалось.^{cliv} Случай произошедший в комвузе, 7 Сентября 1936 года,

может послужить здесь примером. Во время перерыва в занятиях, молодой студент под именем Зиновьев, (скорее всего, назван так в честь, увы, теперь уже разоблаченного лидера Ленинградский большевиков), сделал неподходящее замечание: «Вот Сталину благодать. Привел одни выдержки из Маркса и считается вроде теоретиком. А своего ничего нет».

Его однокурсник, Максимович, пришел в ужас. «Я стал доказывать—сделал это зря - - что по таким вопросам не дискуссияют – что это контрреволюция. ... Разъяснял минут пять. Тогда Зиновьев с улыбкой прервал (меня): «Брось ты Максимович доказывать. Какой там из Сталина теоретик?» На другой день, 8 Сентября, Максимович сообщил об «вопиющей клевете» Зиновьева секретарю парткома, тов. Прему. Тот отказался лично разбирать вопрос, а поручил своему заместителю, Ухутта, вызвать в тот же день на разбирательство парторга курса, Левина, парторга первой группы, тов. Орловского, и самого Зиновьева. У Маскимовича были сведения, что в коридоре эти люди провели совещание, и выработал общее отношение к случаю, «чтобы затемнить вопрос».

Чаяния Максимовича на большой скандал не оправдались. Ухутта сразу повел «примиренческую линию: так ли это было? -- Зиновьев: да, так. – Дословно? –Да. – Но может быть ты не это хотел сказать? – Зиновьев снова подтвердил, что именно так. Я совершил преступление, сказал он. «Но это ты сказал, наверно шутя?» допытывался Ухутта моля Зиновьева выскочить в открытую для него лазейку. Здесь присутствующий некий Фроловский тоже сказал, что «это нужно понимать также как шутку и шуму подымать не стоит». Недовольный Максимович пошел жаловаться Прему. Он просил разобрать вопрос заново. «Мы существуем без Ленина 10 лет, и за

этот период Сталин доказал что он теоретик», заявил Яковлев в поддержку Максимовича. Но тот, большой поборник буквальных прочтений, ужаснулся еще пуще: «по словам Яковлева выходит что раньше, до смерти В. Илича Сталин не был теоретиком!»^{clv}

Назвать значило воплотить в жизнь. В результате, Петров П. А. получил нагоняй за допущение «ненужного цитирования врагов народа» на торжественном заседании Ленинградского ИКП 5 декабря 1937.^{clvi}

Иогихес, учительница немецкого языка в комвузе, получила выговор за использования, на уроке грамматике, грамматического построения, «я не фашист», с тем чтобы преподавать склонения в немецком языке – партком подозревал тут шифр. Вероятно, Иогихес предлагала студентам обращаться с такими фразами не как с предложениями, а как с набором слов, которых можно было использовать в отдельности. Семантически, «я не фашист» было тождественно «я фашист»? «Сегодня очень трудно определить было ли это оговоркой учительницы или сознательным распространением фашистского шовинизма» – говорилось в протоколе.^{clvii} Перенос слова «контрреволюционный» был строго воспрещён: стоило доверчивому читателю пропустить отрицательную приставку, оставленную висеть в конце строки, и могла возникнуть потенциально изменническая путаница.^{clviii}

Любое различие между изречением и событием считалось в принципе невозможным. Такое отношение к языку привело к аресту Мирошниченко из Московского Текстильного Института в апреле 1936. В заявлении Молотову, Мирошниченко рассказывал об обстоятельствах дела:

Обладая, по мнению многих авторитетных лиц, красивым сильным голосом, я своими выступлениями приобрел большую популярность среди студентов. ... Пел я,

главным образом романсы на русском языке. ... Кроме того, в моем репертуаре было много опер, а также неаполитанский песен и романсов на итальянском языке.

(«Солнышко мое», «Вернись в Сорренто» и т.д.), которые я заучил лет десять тому назад по граммофонной записи и пел в оригинале.

Как-то в общежитии, где я проживал, зашел разговор об итало-абиссинской войне; каждый из студентов был занят чем-либо: один чертил, другой – читал политэкономии, третий --- просматривал новые газеты, четвёртый лепил что-то из глины, и т.д.

-- Ну, а ты же за кого стоишь, тов(арищ) Мирошниченко? – спросил, наконец, один из студентов. – За Италию или Абиссинию?

-- Мирошниченко, конечно, за Италию, -- ответил кто-то другой.

-- Ну конечно, товарищи, -- ответил я, смеясь. – Вы же знаете, что я – «итальянец», даже пою на итальянском языке.

Все рассмеялись. После этого разговор прекратился.

Однако совершенно иначе отнесся к этому мой «товарищ» (с позволения сказать) по факультету, Алексей Кузнецов, имевший со мной личные счеты и долго желавший отомстить мне – теперь представлялся благоприятный случай – за утерю конспекта по политэкономии (Кузнецов считал, что я потерял его). На другой день, А. Кузнецов сделал на меня донос-клевету в учебную часть Института, что «Мирошниченко стоит за Италию»(?); но этого ему показалось мало, и он донес в НКВД, что «Мирошниченко агитирует в пользу итальянского фашизма» (?!).

Ну, посудите сами, какое мне дело, мне украинцу, до Италии и «итальянского фашизма»?

«Итак, машина заработала», продолжал злополучный Мирошниченко. Когда он пошел в комячейку Института и рассказал в чем дело, то там только рассмеялись. Однако, этим дело не кончилось. «Что там наплел на меня Кузнецов – я не знаю, но могу себе только представить раз, 27 апреля 1936, г(ода), ком не ночью в общежитие явился следователь Бутырского изолятора г(ажданин) Подольский и заявил мне, что я ... арестован».^{clix}

Мирошниченко зря удивлялся. Так как семантическое поле было насыщено до отказа, случайности исчезли. Всё содеянное было всецело преднамеренным.

Портного арестовали, потому что тот воткнул в газету иголку, которая попала в глаз на портрете Кагановича; арестовали и сторожа, который нёс тяжёлый бюст Сталина в клуб, обернул его ремнем, зацепившим Сталина за шею.^{clx} В комвузе разорвали «портрет Сталина в стенгазете», затем, откуда не возьмись, появился «фашистский знак на трибуне с которой читаются лекции по ленинизму» -- все это тоже не было случайностью.^{clxi}

В печатных материалах выискивали скрытые сообщения. Два студента из ИКП, Тюняев и Филиппов, смотрели учебную литературу и обнаружили, что «на брошюре т. Сталина библиотечные штампы стояли на фотографии тов. Сталина». «Это конечно, сделано умышлено» – заявили они, и сообщили куда следует.^{clxii} Жимудска писала в партком того же института в апреле 1935-го года: «пришла у меня дочь из школы, большая, 15 лет, и села рисовать свастику фашистскую. Я подошла и спросила, что она делает. Она говорит, что преподаватель по рисованию предложил нарисовать, как следует фашистскую свастику в качестве работы и что всему классу

было дано такое задание. Это, товарищи, не случайность, а контрреволюционные дела, так как он не звезду дал рисовать, а фашистскую свастику».^{clxiii} После Московского процесса, попытки врага зашифровывать свои сообщения стали отчаянными. В одном магазине, рапортовал бдительный коммунист, враг использовал страницы из книги Зиновьева в качестве обёрточной бумаги. В другом магазине, использовались страницы из отчета Томского как упаковочный материал.^{clxiv}

Раз случайностей быть не могло, не могло и быть опечаток. Виноградов объяснял в центральной прессе: «Чаще всего техника опечаток такова: заменяются одна, две буквы в одном слове или выбрасывается одна буква, и фраза в целом приобретает контрреволюционный смысл. Скажем вместо слова, «вскрыть» набирается «скрыть», вместо «грозное предупреждение» «грязное предупреждение» ... Нам известны факты, когда вражеская рука в обыкновенный снимок ловко и тонко вырисовывались портреты врагов народа, которые становятся отчетливо видны, если газету и снимок рассматривать со всех сторон». Грубо ошибались, по мнению Виноградова, те «кто не видит за опечаткой вражескую руку и склонны эту опечатку объяснить неопытностью корректора или наборщика».^{clxv}

Исчезновение случайностей упрощало выявление врагов. Обвинения приведшие к аресту Евгении Рафаиловны Качуринер, зав кафедрой политической экономии в Учкомбинате им. Молотова, предполагали буквальный язык. На собрании партгруппы Института Экономики Качуринер сказала, что «в каждой критике есть рациональное зерно, даже у наших врагов, если она идет по деловому руслу». Тут нашли серию ошибок: и отделение высказывания от говорящего, и

лишняя цитата слов врага, и возможная согласия с троцкистами. Но еще более симптоматично донесение гр(ажданина) сочувствующего ВКП(б) С. В. Некрасовой:

Считаю своим долгом довести до сведения членов Парткома ВКП(б) о следующем: в Социально-Экономическом кабинете, в моем присутствии, 5 апреля (1937 года), в 5 ч(асов), Е. Р. Качуринер просматривая журнал «Мировое хозяйство и мировая политика» No.2 за 1937 год, в порядке размышления в слух, ни к кому не обращаясь, произнесла такую фразу «Иуда Сталин» и сразу же затем сказала «Иуда Троцкий». А потом, обращаясь ко мне, сказала: «современная молодежь, тов. Некрасова, не знает исторического происхождения слова Иуда». Я ей ответила: «Как не знает? Они знают за что Ленин назвал Троцкого Иудой». Тогда Е. Р. Качуринер сказала: «нет, я не в том смысле, вед мы с вами в начальной школе изучали закон божий». Я ей ответила, что «наши дети не могут знать религиозного значения этого слова, т.к. они дома ничего подобного не слышат. Е. Р. Качуринер на это сказала: «я не о наших детях говорю, а вот о студентах, которые к нам приходят».

Несоответствие Качуринер новому семантическому режиму бьет в глаза. Говоря о разных смыслах высказывания, она толкует по своему, да еще предполагает, что советские студенты держали в головах какие-то старые, религиозные смыслы. И главное, жена арестованного контрреволюционера, она проговорила, сказал «вслух, про себя, гнуснейшие вражеские слова о тов. Сталине». Попытки представить дело как оговорка Некрасову не убеждала.^{clxvi}

Перед появлением всеосознательности, контрреволюционер мог попытаться завуалировать себя, скрыться за словами. Теперь он был на виду, всем честным

коммунистам на обозрение. Сам акт распознавания вызывал «смех победителей».^{clxvii} Те, кто жил на пороге коммунизма смеялся над тем, кто нашел двери в будущее закрытыми перед собой.^{clxviii} Идентифицируя себя с Законом исторической необходимости, говорящие от имени ЦК получили возможность иронического отношения к описываемым эпизодам. Они обезвреживали оппозицию, ставившую препятствия генеральной линии партии. Этот момент обезвреживания сил прошлого выражался в изображении персонажей, ассоциируемых с препятствиями на пути как жалких нытиков, лишенных какой бы то ни было способности действовать, как препятствия, через которые смело перешагивает победоносное историческое движение. Смех на пленуме выражал идею «смеха победителей», насмешки сверху вниз, с высоты побед генеральной линии партии над неспособностью оппозиционного прошлого вернуться.

Партийный дискурс относился к оппозиционерам как к шутам – они были жалки, предсказуемы, и в силу этого, несколько забавны. Бухарин смешил участников Февральско-мартовского партийного пленума (1937 год). Вот те случаи, когда, в ходе инкриминирования ему контрреволюционной деятельности, ему смеялись в лицо:

Молотов. В таком случае показания троцкистов правдоподобны. ...

Бухарин. Там, где они показывают против меня, это неправильно. (Смех, шум в зале.) Ну что вы смеетесь, здесь ничего смешного нет. ...

-

Лозовский. У вас написано, что спрос (на признательные показания) рождает предложение.

Бухарин: Спрос рождает предложение, это значит, что те, которые дают показания, они знают, какова общая атмосфера. (Смех, в зале шум) ...

Бухарин. Относительно центра. Вот я собрал все показания, которые только были мне присланы, собрал все, что было прислано насчет показаний. Часть показаний говорит о Бухарине, Рыкове и Томском; другие прибавляют Угланова и затем идет вариант Козелева, сюда входят Шмидт и Сырцов. Затем идет Котовский вариант, сюда входит еще Смирнов. ...

Голос с места. А Бухарин куда входит? Во все варианты? Шум, смех.) Нет, не во все. ... тогда была даже такая терминология — «тройка». ...

Каганович. Тройка, семерка, туз. (Смех.)

Бухарин: «Мои грехи были перед партией очень тяжелы. ... Но я с такой же силой, с какой признаю действительную свою вину, с такой же силой отрицаю ту вину, которую мне навязывают, и буду ее всегда отрицать ... (Шум в зале, смех.)

В который уже раз, Бухарин пытался обмануть членов ЦК, но теперь его намерения очевидны, его уловки смешны. «Я считаю, что разбор показаний Цетлина, когда-то наиболее мне близкого, я разгромил, заявил Бухарин, но услышал в ответ смех. «Прямо ничего не осталось» сострил Постышев, «только от тебя!» «А вы приходите сюда с тихим голосочком, со слезою, плачет» -- издевался в том же духе

Кабаков. «Посмотрите, вчера вечером Бухарин подавал реплики, так ведь он же пищит, как задавленная мышь. (Смех.)»

Сарказм времен большой чистки вылился в гротеск, а потом и в ругань. Известно, что ругательства являются важным примером магического языка: даже когда они ошибаются адресатом, ругательства не теряют свою эффективность -- их перформативность не признает различия между словом и действием.^{clxix}

Следователи НКВД часто ругались во время допросов. Их обращение к непристойной брани просматривается в множестве источников. Это был распространенный способ давления на подсудимых.^{clxx} Шацкий писал Сталину в 1936 году, что большая часть допросов «посвящена ругательствам».^{clxxi} После очередного отпирательства Войтоловской, Райхман воскликнул — «Лжете!— Удар кулаком по столу.— Лжете, подличаете, когда надо пасть на колени. Все вы мерзавцы, иуды, ублюдки, сволочи, продажные твари...— площадная непристойная брань...— Ни стыда, ни совести! Ведь вы числитесь в историках, должны понимать, с какой бандой убийц вы связались, в какой фашистской блевотине купаетесь... Смеее называться историком! Дерьмо, а не историк».^{clxxii}

Когда Войтоловская начала бушевать и требовать замены следователя, Райхман пытался ее перекричать:

— Брызжете бешеной пеной, как всякая белая сволочь, учить нас вздумали, кусаете советскую власть, она вам не по нутру, вы совершаете убийства, а когда вас ловят на месте преступления...^{clxxiii}

Директор совхоза им. Луначарского (Одесская область) Суслов, арестованный 17 июля 1938 года, жаловался: «проводившиеся методы следствия ... это наглая фашистская пытка, сопровождавшаяся физическими издевательствами, как-то: непрерывная классическая матерщина, постоянное бесчисленное плевание в лицо ...» Одесский следователь Абрамович, глумился над арестованными коммунистами, слово «секретарь» иначе как «сракатарь» не произносил.^{clxxiv} Только подумайте, Александр Семенович, говорил Вайсбергу сокамерник. «Это человек оскорбил мою мать ... Речь идет о государственном служащем, у него важное звание. Так нельзя. Потом до него дошло, «использование ругательств это не своевольность следователя, это делается преднамеренно».^{clxxv} «Ты свинья, проститутка, продажный предатель», говорили Вайсбергу.^{clxxvi} О Томском говорили, «Сукин сын, мерзавец».^{clxxvii} «Ты кто?» – спрашивал следователь Вавилова. «Академик Вавилов». Следователь смеялся: «Мешок говна ты, а не академик!».^{clxxviii}

Многие уцелевшие объяснили ругательства как метод психологического воздействия. «Цель всего этого», утверждал Александр Вайсберг, было «унизить человека, лишить его самоуважение, уничтожить смелость к сопротивлению».^{clxxix} Однако, ругательства и матерщина могут быть поняты и через семиотический ракурс. Постольку поскольку те, кто ушли в контрреволюционное подполье считались за предателей продавших душу врагу, использование унижительного в их отношении языка было оправданным.

Ругательства имеют качество карнавала, инверсии официального языка.^{clxxx} В контексте 1937 года, следователь мимикрировал в обвиняемого, пытался представить себе контрреволюционный карнавал, картинку Сталинского мира поставленного на голову. Ключ к этим двойным выворотам, ругательства функционировали через

двойную инверсию: профанировался язык троцкистов, которые профанировали правильный советский язык, язык следователя как бы возвращал вещи на свои места.

Пытаясь войти в коммуникацию с подследственным, следователь исходил из убеждения, что обвиняемым понимает язык матерщины лучше всего.^{clxxxii} Если бы обвиняемый только признал весь ужас своего контрреволюционного языка, он бы признался тотчас. Ему обещали сиюминутный переход из поганого мира, в котором он обитал, в чистый советский мир.

Издевательства ритуализировались и тем превращались в послания, в своеобразный вызов к коммуникации. Если «троцкист» становился именем нарицательным, а язык, на котором он говорил, превращался в отдельный «ложный» или «искаженный» язык, то вставал вопрос, как может быть осуществлено общение между людьми говорящими на двух разных, принципиально несводимых друг к другу языках. Невозможность промежуточной позиции между двумя языками, означала невозможность перевода и переводчика с одного языка на другой.

Отсутствие у «троцкизма» политического содержания означало, что дискуссия не может иметь место. Оставался только один вариант действия. Переход от слов к тумакам и побоям, единственному, помимо официальной ленинско-сталинской теории, верному способу коммуникации. Разговор, таким образом, налаживался без языка. Целью же разговора становилось приведение допрашиваемого к осознанию его сущности, введение «лжи» троцкиста в пространство «истины».

Допрос превращался в своего рода спектакль. Причем не простую, а именно комедийную постановку. Издевательства над подследственными могут быть поняты как смеховое выворачивание последней надежды исключенного из партии – доказать ей делом свою преданность. Следователи же, пытались заставить допрашиваемых

-

делом продемонстрировать их подлую, не заслуживающую ни малейшего снисхождения сущность. Издевательский спектакль с подследственным в главной роли должен был показать работникам органов, что допрашиваемый виновен и заслуживает смерти. Если арестованный соглашался есть говно, то он не только вызывал смех у следователя своим убожеством, но и показывал, что его убийство было актом проявления милосердия.

На арестованных плевали, мочились им на голову, заставляли облизывать кромки туалетных унитазов, как бы, им говоря, что они не люди, а отбросы.^{clxxxii} Не редко, им давали одежду увеличенного размера и лишали пояса заставляя, при передвижении, держать штаны руками – это ставило их в положение фигляров.

Комкора Н. В. Лисовского посадили на ножки перевернутой табуретки.^{clxxxiii}

Московского комдива, Н. В. Щеглова, заставили, летом 1937 года, стоять в коридоре со шваброй в руках и брать на караул всем проходящим». ^{clxxxiv} Белослудцев, заведующий отделом руководящих комсомольских органов ЦК ВЛКСМ, жаловался Сталину 20 февраля 1940:

Родос взял кручёную веревку с кольцом на конце и давай хлестать по ногам, ударит и протянет её по телу... Я извивался, катался по полу и, наконец, увидел только одно зверское лицо Родоса. Он облил меня холодной водой, а потом заставил меня сесть на край стула копчиком заднего прохода. Я опять не выдержал этой ужасной тупой боли и свалился без сознания. Через некоторое время, придя в сознание, я попросил Родоса сводить меня в уборную помочиться, а он говорит: «Бери стакан и мочись». Я это сделал и спросил, куда девать стакан. Он схватил его и поднес мне ко рту и давай вливать в рот, а сам кричит: «Пей, говно в человеческой шкуре, или давай показания».

Я, будучи вне себя, да что говорить, для меня было все безразлично, а он кричит: «Подпиши, подпиши!» — и я сказал: «Давай, я всё подпишу, мне теперь всё равно».^{clxxxv}

Язык НКВД изобиловал снижающими сексуальными аллюзиями.

Арестованному Одесскому «газетчику» Теплицкому на просьбу о свидании с прокурором следователь Абрамович показал на свой половой орган и заявил: «вот тебе прокурор». Бывшему хозяйственнику, М.Б. Баргеру, следователи того же отделения говорили: «Что ты сидишь как поц, это тебе не обком», «НКВД не богадельня».^{clxxxvi} В чекистском жаргоне казнь именовалась «свадьбой», т. е. венчанием жертв со смертью.^{clxxxvii} Осужденных заставляли реализовать такого-рода браки. В 1938 году, Новосибирские следователи заставили совершить в своем присутствии половой акт осужденную учительницу и осужденного мужчину, обещая за это помиловать. Сразу после окончания «представления» арестантов задушили.^{clxxxviii} Начальник внутренней тюрьмы и комендант Житомирского НКВД в январе 1938 года принуждали осужденного старика-инвалида совершить половой акт с расстрелянной женщиной, лежащей среди трупов расстрелянных, обещая за это его освободить. Во время исполнения стариком данного требования его застрелили на трупе этой женщины.^{clxxxix}

Пародии пародировались, и так до бесконечности. Чекистский карнавал воплощался в шутовских оргиях. Вот что рассказывал Н. В. Клименков о «Кучинской коммуне» организованной легендарным чекистом Глебом Ивановичем Бокия на допросе 29 сентября 1938: «На даче в Кучино я бывал очень часто, хотя «юридически» и не являлся членом «коммуны», так как не платил 10 процентов отчислений зарплаты в ее фонд». Участники «коммуны» четко следовали

регламенту: для начала, по указанию Бокия, после изрядной выпивки чекисты и их партнерши партиями направлялись в баню, где занимались групповым сексом. «Все это делалось при поповском облачении, которое специально для «дачи» было привезено из Соловков». Среди привезенных в Кучино женщин были не только жены чекистов, но и проститутки. Дам обычно спаивали, раздевали и имели по очереди, при этом Бокий, как бы подчеркивая сохранение иерархии, был в этой очереди первым.

Описание на первый взгляд выглядит, как попытка высмеять проклятое наследие прошлого, религиозные предрассудки и иерархию. Большевики пародируют церковный орден, выставляя монахов как развратников и грешников, -- сюжет популярный в литературе, критиковавшей католическую церковь, как минимум со времен Возрождения. Но одновременно участники оргии высмеивали сами себя, как будто сообщая представленным нарративом, что наше коммунистическое сообщество не более, чем поповский шабаш. Признание как будто сообщало, что члены коммуны не были настоящими большевиками, но переодетыми попами. Помимо этого контрреволюционеры в признании Клименкова превращали коммунистическую утопию в дистопию: коллективное действие принимало форму группового изнасилования. Оргия могла быть понята как кошмарный способ растворить я в теле коллектива.

Унижение женщин возводилось в ранг способа достижения пролетарской солидарности. Член «коммуны» Гоппиус добавлял: «Каждый член коммуны обязан за «трапезой» обязательно выпить первые пять стопок водки. Обязательным было также посещение общей бани мужчинами и женщинами. В этом принимали участие все члены коммуны, в том числе и две дочери Бокия. Это называлось в уставе

коммуны – «культом приближения к природе». Участники занимались в Кучино обработкой огорода, при этом обязательно в голем виде, таким образом, инсценируя пародию на книгу Бытия.^{схс}

Когда сценарий унижения был особенно изрыщенный, следователи называли его «игрой», иногда даже давали ему название. Вот как, например, разыгрывался «Пятый угол»: четверо следователей занимали каждый по углу кабинета и избивали сапогами помещённого в центре кабинета подследственного. Как показать допрашиваемому, что все, что он говорит ложно? Пытаться отрицать свою вину — то же, что найти пятый угол квадратной комнаты и там спрятаться.^{схсi}

Начальник УНКВД Иваново, Валентин Журавлев, изобрел игру под именем «Утка»: подследственному закидывали за спину и связывали руки и ноги, затем двое помощников разжимали его зубы, и Журавлев мочился ему в рот.^{схсii} Маршал советского союза К. А. Марецков говорил сослуживцу во время войны, «Ты знаешь, что делали со мной в НКВД. Ставили на колени, а потом, какой-нибудь особист, под всеобщий гогот, мочился на мою плешивую голову».^{схсiii}

Были и танцы. Когда арестованный в мае 1938 года, юрист Острогорский отказался признаться в троцкизме, следователь Кренин приказал ему прыгать по комнате со стулом в руках, «танцевать фокстрот». Сначала, Острогорский подумал, что это шутка, но серия побоев показало, что дело серьезное. Совершенно ошеломленный, он начал выполнять хореографию следователя. Длилось это часами. Как только Острогорский останавливался, его били и заставляли продолжать прыгать. (Можно сказать, что Острогорский не был не прав в своем исходном понимании ситуации. Речь действительно шла о шутке следователя. Чего он не понял, так это то, что шутка должна быть мгновенно воплощена в реальности).^{схсiv}

Систематичность издевательств и насмешек над заключенным выводит на мысль, что мы имеем тут дело с метонимией ругательства, заменой унижающей речи действием. Сколь грубой и жестокими издевательства не были, издевательства имели отчетливый семантическую нагрузку – именно так честный человек должен был обращаться к контрреволюционеру. До сих пор не принявший советский язык, последний должен был признаться, т.е. научиться, наконец, говорить правильно.

Допрашивая диверсанта обозначенного в материале под именем «К», следователи изобрели игру, которая комбинировала слова и действия, или точнее визг и мычания. По указке следователей, обвиняемый должен был забраться в высокое окно камеры, обрамленное железной рамой. «Так как «К.» был высок, голова его неизменно ударялась о потолок. Прижатый к стене, спина его терлась об металлические оконные стержни». Приняв столь неудобное положение, обвиняемый должен был кричать со всех сил, «ку-ка-ре-ку!» – что вызывало раскаты хохота среди следователей. Следователи вытаскивали свои языки и отзывались эхом на зов арестанта. «Смотрите на него», смеялись они, «он не признается, а вот его петушиный крик звучит как соловьиная песня», читай, признание, как, «запоешь как соловей», или, «запоешь у меня как миленький!»^{схсv}

Поверхностный смысл слов обвиняемого – «я честный советский гражданин, не в чем не виновен» -- отвергался. Следователи рассматривали такие выражения как пародию на себя. Обвиняемым, опасались они, мимикрировал с тем, чтобы разрушить коммунизм изнутри. Высмеивая обвиняемого, слушатели НКВД возвращали вещи на свои места.^{схсvі} В другом случае, они потребовали от К. мычать как корова. Замещая человеческий язык животным, обвиняемый признавал свою истинную сущность. Итак, издевательский ритуал НКВД восстанавливал моральный

мир, выворачивая выворачивание контрреволюционеров.^{схсvii} Еще во время подавления Зиминского восстания 6 августа 1919 года в Барнаульском уезде арестованных водили по селу и заставляли говорить: «я – враг народа», «благодарю вас, товарищи», а затем всех увели на скотское кладбище и полуживых закопали».^{схсviii}

В комнате следователя, сущность и ее проявление, наконец, сошлись: унижая себя, издавая животные звуки, К. наконец проявил свое истинное я. Его отпирательства ни чем не отличались от кукареканья. Этот абсурдный язык – по мнению НКВД, единственно абсурдный язык во время следствия – должен был быть разоблачен. Вот тогда, истинный язык, язык признания, войдет в свои законные права. Унижения разоблачали животную суть контрреволюционеров.

На Декабрьском пленуме ЦК (1936 год) Каганович говорил о контрреволюционерах и собаках: «И, наконец, в 1934 г., Зиновьев приглашает Томского, к нему на дачу, на чаепитие. Томский едет к нему. По-видимому, этому чаепитию предшествовало кое-что другое, потому что после чаепития Томский и Зиновьев на машине Томского едут выбирать собаку для Зиновьева. Видите, какая дружба, даже собаку едут выбирать. ...

Сталин. Собаку достали все-таки?

-- Достали. Они искали себе четвероногого компаньона, так как ничуть не отличались от него, были такими же собаками...

Сталин. Хорошая собака была или плохая, неизвестно? Смех.) Это при очной ставке было трудно установить.

Как только его животная суть доказывалась, контрреволюционер окончательно терял свое положение среди советских людей. Ему приписывалось вероломство хищника.^{схсiх} Официальная пресса приравнивала троцкистскую контрреволюцию к «шайке взбесившихся собак».^{сс} В октябре 1922 года чекистская сводка сообщала, что Алтайские крестьяне, «убив коммуниста, закопали его с трупом собаки, вложив в могилу записку: “коммунист и собака – одно и то же”».^{сси} Вышинский восклицал в 1937 году: «Вся наша страна, от малого до старого, ждёт и требует одного: изменников и шпионов, продавших врагу нашу Родину, расстрелять как поганых псов!... Мы, наш народ, будем по-прежнему шагать по очищенной от последней нечисти, и мерзости прошлого дороге, во главе с нашим любимым вождём и учителем — великим Сталиным — вперёд и вперёд к коммунизму!»

Беспощадная, а в этот период убийственная, политика большевиков не теряла свое дискурсивное измерение. Прежде чем кто либо был изгнан из общества праведных, его необходимо было опозорить и опорочить. Убивали словами. Тревожась, что сопротивление коммунизму нарастает, партия принялась завинчивать гайки во всем, что касается производства знаков и их интерпретации. Обозначающие застыли, бывлые угрозы перечитались в буквальном смысле. В каком-то смысле, избиение партии в 1936-38 гг. было результатом трансформации большевистского чувства юмора.

-
-
- i Б. Гройс, «Тоталитаризм карнавала», Бахтинский сборник, 3, (Москва, 1997), стр.76-80.
- ii R. Thurston, “Social Dimensions of Stalinist Rule: Humor and Terror in the USSR, 1935-1941,” Journal of Social History 24 (3), 1991.
- iii Desiatyi s’ezd RKP(b). Mart 1921. Stenograficheskii otchet, (Moscow, 1963), p.126.
- iv Odinnadtsatyi s’ezd RKP(b). Mart-Aprel’ 1922 goda. Stenograficheskii otchet, (Moscow, 1966), p.148.
- v M. Riumina, Estetika smekha. Smekh kak virtual’naia real’nost’ (Moscow: URSS, 2003), p.72.
- vi A.Corbell, Controlling Laughter. Political Humor in the Late Roman Republic (Princeton:Princeton University Press, 1996), pp.9-13.
- vii ЦГА ОДМ, ф.3, оп.4, д.32, л.24.
- viii Desiatyi s’ezd RKP(b) p.126. The observation by Charles Shcutz that, “comic blasphemy often makes the assumed moral superiority of some political pretender the target of ridicule,” may be applied to the opposition’s use of humor against the Central Committee. See, C. Schutz, Political Humor; From Aristophanes to Sam Ervin (Rutherford NJ, 1977), pp.43-44.

-

ix

Протоколы десятой всероссийской конференции РКП (большевиков) Май 1921 г.
(Москва, 1933) , стр.67.

x Odinnadtsatyi s"ezd RKP(b) p.261.

xi Одиннадцатый съезд РКП(б), стр_197. Desiatyi s"ezd RKP(b) p.78.

xii Двенадцатый съезд РКП(б), стр. 162.

xiii Десятый съезд РКП(б), стр_306.

xiv Девятый съезд РКП(б), стр_69.

xv Девятый съезд РКП(б), стр.69.

xvi Десятый съезд РКП(б), стр_520.

xvii K. Clark, *The Soviet Novel: History as Ritual* (Chicago: University of Chicago Press, 1981), p. 52.

xviii Desiatyi s"ezd RKP(b) p.301.

xix II, p.69.

xx II, pp.520-521.

xxi Судьбы современной интеллигенции: доклад А. В. Луначарского и речи П. И. [и. е. П. Н.] Сакулина, Н. И. Бухарина, Ю. В. Ключникова, стр.41.

xxii П. Залуцкий, *О современном троцкизме*, (Ленинград, 1925), 4.

-
- xxiii Odinnadtsatyi s'ezd RKP(b) p.197. Десятый съезд РКП(б). стр78.
- xxiv Десятый съезд РКП(б): стенографический отчет. М., 1963.
- xxv Kisilev was the chairman of the Union of Miners and the member of the presidium of the Central Control Commission.
- xxvi Десятый съезд РКП(б) стр.543-544.
- xxvii Десятый съезд РКП(б), стр.544.
- xxviii Одиннадцатый, стр.23-24.
- xxix Одиннадцатый, стр.102.
- xxx Одиннадцатый, стр.141.
- xxxi Одиннадцатый, стр.147.
- xxxii Десятый съезд РКП(б). стр.305-306.
- xxxiii РГАСПИ, ф..99, оп.1, д.17, л.20. ЦГА ОДМ, ф. 67, оп.1,д.197, л.2об.
- xxxiv 10-сезд (старый), 274.
- xxxv Іbid.1, р.330.
- xxxvi Десятый съезд РКП(б) стр.117.
- xxxvii Десятый съезд РКП(б), стр.305-306.

-
- xxxviii РГАСПИ, ф.45, оп.1, д.128, л.31.
- xxxix 10-й съезд, 300
- xl Десятый съезд РКП(б) стр.115.
- xli Одинадцатый , стр.23.
- xlii РГАСПИ, ф. 17, оп.71, д.11, л.14.
- xliii Десятый съезд РКП(б), стр.115.
- xliv Двенадцатый съезд РКП(б) (17-22 апреля 1923 года): Стенографический отчет.
(Москва: Госполитиздат, 1968, стр. 221.
- xlv Двенадцатый съезд РКП(б) стр.346.
- xlvi Четырнадцатый, стр. 612.
- xlvii Четырнадцатый, стр.688.
- xlviii Четырнадцатый, стр. 101.
- xlix Четырнадцатый, стр. 139.
- l Четырнадцатый, стр. 210.
- li Четырнадцатый, стр. 582.
- lii Четырнадцатый, стр. 575.

-
-
- liii Четырнадцатый, стр. 348.
- liv Четырнадцатый, стр. 797.
- lv Четырнадцатый, стр. 932.
- lvi Четырнадцатый, стр. 916.
- lvii Четырнадцатый, стр. 184.
- lviii Четырнадцатый, стр. 482-483.
- lix Четырнадцатый, стр. 484.
- lx
- Четырнадцатый, стр. 336
- lxi
- Четырнадцатый, стр. 521.
- lxii Четырнадцатый, стр. 288.
- lxiii Четырнадцатый, стр. 284.
- lxiv Четырнадцатый, стр. 297.
- lxv Четырнадцатый, стр. 342.
- lxvi Четырнадцатый, стр. 301.
- lxvii Четырнадцатый, стр. 186.

-
- lxviii Четырнадцатый, стр. 233.
- lxix Четырнадцатый, стр. 211.
- lxx Четырнадцатый, стр. 612.
- lxxi Четырнадцатый, стр. 320.
- lxxii Четырнадцатый, стр. 223.
- lxxiii Четырнадцатый, стр. 317.
- lxxiv Четырнадцатый, стр. 262.
- lxxv Четырнадцатый, стр. 278.
- lxxvi Четырнадцатый, стр. 501.
- lxxvii Четырнадцатый, стр. 397.
- lxxviii Четырнадцатый, стр. 318я .
- lxxix Четырнадцатый, стр. 398.
- lxxx Четырнадцатый, стр. 836.
- lxxxi Ленинградская организация и Четырнадцатый съезд, (Москва-Ленинград, 1926), стр.88.
- lxxxii Ленинградская организация и Четырнадцатый съезд, стр.107.

-
- lxxxiii Четырнадцатый, стр. 321.
- lxxxiv Ленинградская организация и Четырнадцатый съезд, стр.174.
- lxxxv Ленинградская организация и Четырнадцатый съезд, стр.108.
- lxxxvi Ленинградская организация и Четырнадцатый съезд, стр.94.
- lxxxvii Ленинградская организация и Четырнадцатый съезд, стр.109.
- lxxxviii Ленинградская организация и Четырнадцатый съезд, стр.173.
- lxxxix XV конференция всесоюзной коммунистической партии (б) 26 октября-3 ноября 1926 г. Стенографический отчет, (Москва-Ленинград, 1927), стр.160.
- xc XV конференция всесоюзной коммунистической партии, стр.265.
- xcі XV конференция всесоюзной коммунистической партии, стр.677.
- xcіі XV конференция всесоюзной коммунистической партии, стр.716.
- xcііі XV конференция всесоюзной коммунистической партии, стр.490-491.
- xciv XV конференция всесоюзной коммунистической партии, стр.601.
- xcv XV конференция всесоюзной коммунистической партии, стр.427-428.
- xcvi XV конференция всесоюзной коммунистической партии, стр.583.
- xcvii XV конференция всесоюзной коммунистической партии, стр.490.

-
- xcviii XV конференция всесоюзной коммунистической партии, стр.537.
- xcix XV конференция всесоюзной коммунистической партии, стр.482-483
- c XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Декабрь 1928 года.
Стенографический отчёт.— М.-Л.: Госиздат, 1928. атр.201
- ci XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). стр.298.
- cii XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). стр.233.
- ciii XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). стр.234.
- civ XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). стр.234
- cv XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). стр.299.
- cvi XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). стр.33.
- cvii XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). стр.74.
- cviii XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). стр.214.
- cxix XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). стр.199.
- cx XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). стр.492.
- cxii XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). стр.140.
- cxiii XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). стр.179.

-
-
- cxiii XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). стр.255.
- cxiv XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). стр.75.
- cxv XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). стр.77.
- cxvi XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). стр.189-190.
- cxvii XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). стр.264.
- cxviii XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). стр.186-187.
- cxix XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). стр.199.
- cxx XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). стр.212.
- cxxi XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). стр.299.
- cxii XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). стр.169.
- cxiii XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). стр.200.
- cxiv XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). стр.301-302.
- cxv XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). стр.370.
- cxvi XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). стр.199.
- cxvii XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). стр.259.
- cxviii XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). стр.422.

-

^{сxxxix} Штурман Д., Тиктин С. Советский Союз в зеркале политического анекдота. L.: Overseas Publications Interchange, (London: Overseas Publication Ltd.1, 1985), стр.183-184.

^{сxxx} ЦГА ИПД, ф.197, оп.1, д.1725, лл.122-123.

^{сxxxі} ЦГА ИПД,725, л.120.

^{сxxxіі} РГАСПИ, ф.17, оп.85, д.222, лл.59-60

^{сxxxііі} Эвентов И. Смех победителей. Литературный современник. - 1937. №7.стр.223-242.

^{сxxxіv} ЦГА ИПД, Ф.16, оп.7, д.7071, л.18об.

^{сxxxv} J. Barber, "The Establishment of Intellectual Orthodoxy in the U.S.S.R., 1928-1934," Past and Present 83 (1979), pp.141-164.

^{сxxxvi} И.В. Сталин О некоторых вопросах истории большевизма: Письмо в редакцию журнала "Пролетарская Революция" [Сочинения Сталина Том 13](#) , с.96-97.

^{сxxxvii} ЦГА ИПД, Ф.197, оп.1,, д.1132, л.27.

^{сxxxviii} ЦГА ИПД, Ф.1816, оп.2, д.5092, л.52.

^{сxxxix} ЦГА ИПД, Ф.197, оп.1,, д.1132, л.29.

^{сxl} ЦГА ИПД, ф.197, оп.1,, д.1131, л.85.

-
- cxli ЦГА ИПД,, ф.197, оп.1, д.1725, л.192.
- cxlii В. Uspenskii, "Historia sub specie semioticae," Soviet Semiotics (Д.1 Lucid, ед.1 Baltimore: John Hopkins University Press, 1977).
- cxliii Реабилитация, стр. 196-210.
- cxliv В. Groys, The Total Art of Stalinism. Avant-Garde, Aesthetic Dictatorship, and Beyond, (Princeton, 1992) and, М. Ryklin, Bodies of Terror: Theses Toward a Logic of Violence," in, New Literary History no.24, 1993, pp.51-74
- cxlv К. Clark, The Soviet Novel: History as Ritual (Chicago University of Chicago Press, 1985); Н. Guenther, "Socialist Realism and Utopianism," in N. Kolesnikoff and W. Smyrniw, eds. Socialist Realism Revisited: Selected Papers from the McMaster Conference (Hamilton: McMaster University, 1994).
- cxlvi ЦГА ИПД, ф.197, оп.1., д.1722, л.56; д.1908, л.50.
- cxlvii ЦГА ИПД, ф.5063, оп.1., д.7, л.22.
- cxlviii ЦГА ИПД, ф.197, оп.1., д.1000, л.69.
- cxlix ЦГА ИПД, ф.197, оп.1., д.1148, лл.2-3.
- cl ЦГА ИПД, Ф.566, оп.1., д.288, лл.68-69.
- cli Сталинец, Январь 17, 1935.

-
- clii «Сталинская конституция и коммунистическое воспитание подростяющего поколения», Советская педагогика, 4, (1937), стр.4.
- cliii J. Plamper, “Abolishing Ambiguity: Soviet Censorship Practices in the 1930s,” The Russian Review, no.60, 2001, p.526.
- cliv «Я бы хотел, чтобы на опыте моих ошибок товарищи научились», Вопросы истории КПСС, 6, (1991), стр.88.
- clv ЦГА ИПД, Ф.197, оп.1,, д.263, лл.43-44.
- clvi ЦГА ИПД, Ф.566, оп.1,, д.288, л.49.
- clvii , д.1208, лл.146-151.
- clviii Н. Перл, Закон сохранения, (Петербург, 1994), стр.102-103.
- clix Письма во власть, стр.315.
- clx В. Роговин, Партия расстрелянных, (Москва, 1997), стр.283.
- clxi ЦГА ИПД, Ф.197, оп.1,, д.1106, л.242.
- clxii ЦГА ИПД, Ф.566, оп.1., д.296, л.25.
- clxiii ЦГА ИПД, Ф.566, д.241, л.17.
- clxiv Вопросы истории, 6, (1993), стр.28.
- clxv Большевик, 1937, 16, стр.62-63.

-
- clxvi Дело Качуринер, П-51970, лл.7, 66-67.
- clxvii Эвентов И. Смех победителей. - II Литературный современник. - 1937. №7.стр.223-242.
- clxviii V. Garros, "Moscou 1936-1938: Les Rires de la Terreur," De Russie et d'allieurs, Melanges Marc Ferro, (Paris, 1995), pp.72, 80.
- clxix L. Levy-Bruhl, La Mentalite primitive (Paris, 1922),
- clxx Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг.
- clxxi Реабилитация, стр.182.
- clxxii Войтоловская, 58
- clxxiii Войтоловская, 66.
- clxxiv Андрей Савин, Алексей Тепляков, «Чистка чистильщиков», стр.296-297.
- clxxv Weissberg, p.223.
- clxxvi Weissberg, pp. 237, 245–46.
- clxxvii Общество и власть, стр.179; А. Кауфман, Рофе ха-махане, стр.63.
- clxxviii Сойфер, стр.523.
- clxxix Weissberg, p.223.

-
- clxxx F. Dreizin and T. Priestly, “A Systematic Approach to Russian Obscene Language,” *Russian Linguistics* 6 (1982). П. Иванов, Знахарство, шептание и заговоры, Киевская старина, 1995, 12; В. Топоров, Об одном способе сохранения традиции во времени: имя собственное в морфологическом аспекте, Проблемы славянской этнографии, (Ленинград, 1979).
- clxxxii Успенский Б.А. Антиповедение в культуре древней Руси, Проблемы изучения культурного наследия (Москва, 1985).
- clxxxiii Военные архивы России, 1, (Москва, 1993), стр.54-55.
- clxxxiv Сувениров, 202.
- clxxxv Суверноров, стр. 194.
- clxxxvi Новая газета, 2010.
- clxxxvii Андрей Савин, Алексей Тепляков, «Чистка чистильщиков», 297.
- clxxxviii А.Г. Тепляков. Инфернальная карнавализация: «черный юмор», 113.
- clxxxix А.Г. Тепляков, Процедура: исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах. (Москва, 2007), стр.75.
- clxxxix Шаповал Ю.І. Україна в добу «великого терору»: етапи, особливості, наслідки. «Єжовщина» починається // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. –2007. – № 1. стр.99.

-

^{схс} Н. Зенкович, Самые закрытые люди, (Москва, 2002), стр.389; Сололов, Наркомы страха, стр.19-20.

^{схси} Соколов, Наркомы страха, стр.129.

^{схсii} Шрейдер М.П. - НКВД изнутри: Записки чекиста (Москва, 1995) стр.141.

^{схсiii} Сувениров, Трагедия, стр. 195.

^{схсiv} Орлов Ю. Г. Звягинцев А. Г. Распятие революцией. Российские и советские прокуроры. XX век. 1922-1936 (Москва, 1998), стр.263.

^{схсv} Бергер-Барзилай, Зохар бе-хацот, стр.41.

^{схсvi} E. Lozowy, "Satire et Histoire: L'article encyclopedique de Bakhtine sure la Satire dans le Contexte de la Critique Litteraire Sovietique des Annes 1920s et 1930s", Canadian-American Slavic Studies, 35, (2001), p.385.

^{схсvii} Бергер-Барзилай, Зохар бе-хацот, стр.41.

^{схсviii} А.Г. Тепляков. Инфернальная карнавализация: «черный юмор», 110.

^{схсix} Б. А. Успенский. Религиозно-мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии (Семантика русского мата в историческом освещении) // M. Halle et all. eds. Semiotics and the History of Culture, (Columbus, 1988), стр.242.

^{сс} Известия, 30 января 1937, стр.4.

^{сси} А.Г. Тепляков. Инфернальная карнавализация: «черный юмор», 110.